

A man with a beard and intense gaze is in the foreground, looking slightly off-camera. Behind him, a woman with long, wavy brown hair and blue eyes looks directly at the camera. She is wearing a white sleeveless top. The background is a softly lit interior with white curtains.

Арина
Арская

я была хорошей женой, но

ПОСЛЕ РАЗВОДА

буду плохой бывшей

Арина Арская
Я была хорошей женой,
но после развода
буду плохой бывшей

<https://litres.ru/74294288>

Аннотация

— Мне давно неприятно прикасаться к тебе, — презрительно говорит. Нет, цедит сквозь зубы. — У тебя не кожа, а сухой пергамент... Я будто с мумией ложусь в кровать. Прикрываю дрожащими пальцами рот, чтобы не закричать, не завывать. — Ты же знаешь... У меня гормональный сбой... Я же лечусь, Паша... Доктор сказал... — Ты сама просила поговорить, — взрывается его высокомерный смешок. — Сама спросила, что не так. Я тебе ответил честно и без лжи. Ты постарела. Закрываю глаза. Кутаюсь в шаль и отворачиваюсь от жестокого Павла, чтобы спрятать слезы. Он уже у двери, поправляет галстук — тот самый, что я дарила. — Если ты сейчас уйдешь... к ней... — сиплю шепчу я, — то я тебе этого не прощу...

Содержание

1	5
2	11
3	17
4	25
5	30
6	35
7	40
8	47
9	53
10	58
11	63
12	67
13	72
14	76
15	81
16	86
17	91
18	95
19	99
20	104
21	110
22	114
23	118

24	122
25	128
26	133
27	139
Конец ознакомительного фрагмента.	141

1

— У твоего мужа есть другая женщина, — тихо и напряженно признается моя свекровь, Мария Николаевна, крепко сжав мою руку. Её пальцы впиваются в мои запястья, будто клещи — Это беда, Мирочка... Серьезная беда...

Ей семьдесят, а хватка как у бульдога.

— Ты, дурочка слепая, ничего не видишь, — продолжает она хрипло шептать мне в лицо.

— Что вы за глупости говорите? — неловко и с ноткой испуга смеюсь я.

Мария Николаевна с самого утра на взводе. Придирается ко мне, ворчит и много вредничает.

А теперь вот это.

Другая женщина у Паши?

У моего Паши? Нет. Он у меня мужчина принципиальный и не стал бы скрывать измены.

Он любит меня и уважает. Он бы не стал меня марать случайками на стороне. Это же отвратительно.

— И если ты ничего не предпримешь, моя дорогая, то потеряешь Пашу с концами, — шипит мне в лицо.

Из рта свекрови дурно пахнет. Корвалолом и плесенью. Стискивает руку крепче:

— Что ты так на меня смотришь, а? Ты когда уже мозги включишь?! — дергает меня за руку. — Очнись, Мира! тво-

его мужа скоро к рукам приберет другая!

Я не верю. У Марии Николаевны просто разыгралось воображение. Она еще не проснулась после полуденного сна на солнечной веранде.

У стариков часто бывает паранойя на пустом месте.

— Мира! — свекровь меня толкает. — Ты, правда, дура! — всплеснув руками, охает. — Я повторяю еще раз! У Паши другая женщина! И там все серьезно! Это не потрапушки с эскортницами и шлюшками на одну ночь!

— Неправда... — мой голос рвётся, как проволока.

Свекровь тычет костлявым пальцем в мою грудь:

— Какая же ты... глупая! Он снимает ей квартиру на Восточной! Двухярусную! — понижает голос и оглядывается, будто боится, что Паша ее услышит, но он сейчас в офисе на переговорах с корейцами.

Так он сказал.

Сердце слабо вздрагивает в груди.

— Ты должна сейчас быть очень осторожной, — Мария Ивановна вновь берет меня за руки и заглядывает в глаза, — начинается серьезная игра за Пашу, и если ты...

— Если он мне изменяет... — раскрываю рот и слова застревают где-то у корня языка.

— Все они изменяют, — Мария Николаевна крепче сжимает мои ладони. До хруста и боли, — жены должны быть хитрее. Он всего лишь мужчина.

— Нет! — вскрикиваю я и резко отмахиваюсь от руки све-

крови, которая сердито и недовольно морщит острый нос в темных веснушках. — Паша бы не позволил себе...

Задыхаюсь.

В груди — взрыв боли. Прижимаю ладонь к груди в жалкой попытке успокоить бешеный стук сердца.

— Ваши дети выросли, — Мария Николаевна возвращается за стол и с жалостью смотрит на меня, — тебе сорок пять. Опасный возраст. Его ничего рядом с тобой сейчас не удержит. Ты это понимаешь? У него больше нет ответственности за то, чтобы дети росли в полной семье...

Дышу часто-часто. Воздух обжигает будто ядовитый пар с вкраплениями стальной стружки.

Вот-вот закашляю с кровью.

Мой муж сейчас с любовницей, а не на переговорах с корейцами о поставках компьютеризированных радиаторов в новый элитный коттеджный поселок под Москвой?

— Эту войну должна выиграть ты! — моя свекровь хмурится. — И да, это война, Мира! Война с другой женщиной, которая скоро, вот увидишь, пойдет в наступление!

Я теряюсь под шквалом жестоких и страшных слов свекрови.

— Она заявит о своей беременности, — Мария Николаевна скрещивает руки на груди. — Ты должна быть готова, Мира.

Я кидаюсь к окну. Хватаю с широко подоконника телефон, но не могу удержать его в дрожащих пальцах.

Паша мне изменяет?

Телефон падает на белый кафель. Бьется уголком. Раздается стук, и по экрану идут трещины.

— Черт! — выругиваюсь я. — Проклятье!

— Мира, послушай меня, — голос свекрови становится более раздраженным, — я сейчас на твоей стороне, и мне есть чему тебя поучить в этой жизни.

Я оборачиваюсь.

Мария Никлаевна мрачно прищуривается:

— Я не одну такую хищницу сожрала, — постукивает узловатыми пальцами по столешнице, — многие хотят занять наши места. Многие хотят нас заменить, и сейчас тебе нельзя быть тупой истеричкой.

Выкладывает на стол несколько фотографий с яркой и сочной брюнеткой. Фигура — песочные часы. Волосы — роскошная густая грива. Румяная с пухлыми губами и изящной линией шеи и ключицы. Одета в обтягивающее алое платье с глубоким декольте.

Она выходит из машины моего мужа. Узнаю черный внедорожник по номерам.

— У нее есть внешность, а у тебя должен быть ум, — строго заявляет свекровь.

Сажусь на корточки. Подбираю телефон с пола.

Дышать так тяжело.

Включаю экран, захожу в список недавних звонков и касаюсь строчки “Любимый муж”.

Гудки.

Длинные, бесконечные с долгими паузами, а после тишина.

В глазах все расплывается.

Звоню секретарю Паши Алисе. Она отвечает сразу, через один гудок.

— Слушаю, Мира Александровна?

— Мой муж... мой муж... — голос хрипит, словно я вынырнула из холодного омута. — не отвечает.

— Переговоры с корейцами, — напоминает Алиса. — Вот час назад встретили делегацию. Такие серьезные, — смеется, — но думаю, ваш муж их очарует. Он умеет даже самых мрачных дяденек разговорить.

Но я не верю. Алиса лжет. Прикрывает босса, ведь за обман жены он накинёт ей щедрую премию.

Сбрасываю звонок. Поднимаюсь на ватные ноги и шагаю к двери. Меня немного пошатывает.

— Мира, — недовольно окликает меня свекровь. — Истерики тебе не помогут. Надо быть хитренькой.

Я поеду в офис, чтобы убедиться: никаких переговоров с корейцами сегодня не было, а после...

— Адрес той квартиры, — резко разворачиваюсь к свекрови.

Я хочу знать, где и с кем мой муж развлекается, когда я терплю его противную и старую маму.

— Ты должна успокоиться, Мира, — она приподнимает

подбородок. — Я повторяюсь. Истерички всегда проигрывают. Будь умнее, если не хочешь оказаться разведенкой без будущего.

— Тогда я сама все узнаю, — кидаюсь прочь, крепко стискивая в руке телефон.

— Какая же ты все-таки дура, Мира! В сорок пять ума так и не нажила!

— У меня на тебя не встает, — мой муж Павел разводит руки в стороны, и в этом небрежном жесте он высказывает мне все свое презрение, которое скопилось за годы нашего брака. — Вот тебе моя честность.

Я сама напросилась.

Я ведь сама ворвалась к нему на переговоры с поставщиками и потребовала немедленно поговорить со мной.

Вероятно, я сорвала сделку, но сегодня утром я узнала, что у моего мужа есть другая женщина.

Роскошная. Горячая. Живая.

Брюнетка с пышными формами и мощной, упругой задницей, которую мой муж любит смачно шлепать, мять, кусать.

Это оправдывает мой неконтролируемый, животный раж обиженной женщины.

— И да, у меня есть любовница, — мой встает из-за стола, медленно, как хищник, — но это не твоя забота, Мира. Ты, как хорошая жена, должна порадоваться за меня. — Он смеется. Громко, грубо, в лицо. — Мои яйца, — сжимает пах так, будто демонстрирует трофей, — в надежных ручках.

Когда его накрывает ярость, настоящая, черная, он много шутит. Смеется. Говорит сквозь зубы. Я пугаюсь его хищного оскала, понимаю — я переступила черту.

Я не должна была мешать переговорам.

Не должна была позорить Пашу глупой, громкой истерикой перед его напряженными, недоуменными партнерами.

Но я потеряла контроль.

Он резко меняется в лице.

Больше не смеется.

Больше не играет.

Я — маленькая мышка перед диким, взбешенным котом. Моя решительность рассыпается в прах, когда Паша медленно, бесшумно выходит из-за стола.

На переносице пролегает глубокая морщина — трещина гнева, разделяющая темные, сведенные брови. Его карие глаза, обычно теплые и проницательные, теперь стали почти черными и чужими.

Челюсть сжата так сильно, что жилы на шее выступают резкими линиями. Он приглаживает волосы с благородной проседью в сдержанной ярости.

— Мне давно неприятно прикасаться к тебе, — презрительно говорит. Нет, цедит сквозь зубы. — У тебя не кожа, а сухой пергамент... Я будто с мумией ложусь в кровать.

Прикрываю дрожащими пальцами рот, чтобы не закричать, не завывать.

Вот она — честность.

Вот он — мой муж.

Больно?

Страшно?

Паша теперь тебя не пожалеет. Нельзя мужчин просить о честности, ведь их правда убивает женщин.

Калечит душу.

— Ты же знаешь... У меня гормональный сбой... Я же лечусь, Паша... Доктор сказал... — теряюсь и начинаю оправдываться.

— Ты сама просила поговорить, — взрывается его высокомерный смешок. — Сама спросила, что не так. Я тебе ответил честно и без лжи. Ты постарела и у меня не встает на тебя.

Шагает к двери.

Я знаю — сейчас он поедет к ней. К той, которую я видела на фотографиях. Молодой. Сочной. Желанной.

— И тебя это совершенно не беспокоило, — бросает через плечо. — Не тревожило. Останавливается рядом. Дышит мне в лицо. — Я тебе не трахал уже несколько месяцев.

Грубый. Злой. Настоящий.

Теперь я знаю — его сдержанные улыбки по утрам, ласковые поцелуи перед работой — обман.

Он играл.

А настоящая жизнь — за стенами нашего дома.

— Или ты думала, что я балуюсь ручкой в душе, как тупой подросток? — он приподнимает бровь. — Или внезапно стал импотентом? Нет, — усмехается и наклоняется, чтобы выдохнуть мне в щеку, — это с тобой я ничего не хочу, но ты моя жена, а жены, как говорил мой отец, не для удовольствия и радости. Теперь я понимаю, о чем он говорил. Ты моя — обязанность, долг, ответственность.

Закрываю глаза. Кутаюсь в шаль и отворачиваюсь от жестокого Павла, чтобы спрятать слезы.

Он уже у двери. Поправляет галстук — тот самый, что я дарила.

— Если ты сейчас уйдешь... к ней... — сипло шепчу я, — то я тебе этого не прощу...

— Ты думаешь, твои слёзы меня остановят? — леденящим тоном бросает он, не оборачиваясь. Пальцы лениво затягивают узел галстука туже. — Я уйду. К ней. И ты даже не пикнешь — знаешь почему?

Резко поворачивается. Глаза — как дуло пистолета.

— Потому что в нашей семье такие правила.

Шаг вперёд. Ладонь хватает мой подбородок, задирая лицо к свету.

— Я не буду у тебя спрашивать разрешения быть с другой, — прожигает черными глазами во мне дыры, — я тебе не мальчик, который боится мамочку. Твоя роль — быть женой. Улыбаться на ужинах, мероприятиях, сюсюкаться с на-

шими внуками. Мне этого достаточно. Такой у тебя возраст. Предпенсионный. Что же поделатъ бабий век короток.

— Я не хочу улыбаться рядом с тобой на ужинах... — шепчу и хватаю его запястье, чтобы убрать его руку от моего лица.

— Неужели развод? — насмешливо спрашивает он с издевкой округлив глаза. — Ой, напугала! — смеется.

Возвращается к двери и презрительно кидает:

— Думаю роль разведенки, которая размазывает сопли и слезы по лицу и сидит на содержании бывшего мужа, тебе отлично подойдет.

Переговорная начинается плыть перед глазами. Поднимается тошнота, кружится голова.

Я потеряла для Паши ценность. Я для него — старая клуша, от которой его тошнит. От которой веет болезнью и старостью.

Вновь оглядывается:

— Ты права. Наши дети выросли, я их поднял на ноги, — хмыкает, — отцовский долг отдал. Смысл быть сейчас с тобой?

— Никакого, — мне зябко.

Я падаю на один из стульев. Ноги меня не держат, и я могу грохнуться в обморок.

— С этого дня тебя больше не пустят ко мне в офис, — Паша окидывает меня разочарованным взглядом. — Будешь в черном списке у охраны. И твою сегодняшнюю истерику

мои адвокаты оценят в серьезные убытки для компании. Как в финансовом плане, так и в репутационном.

— Когда будут готовы документы на развод? — стараюсь сфокусировать взгляд на Паше, сопротивляясь липкому обмороку, что затягивает меня в холодную темноту.

— Сегодня. Я не буду тянуть.

Выходит, и я под волной слабости сползаю со стула на пол. Слышу раздраженный голос Паши за дверью:

— Алиса, займись моей женой. Она опять там устроила драму на пустом месте.

— Господи, Мира, — папа сердито заглядывает в мое лицо и похлопывает по щекам. — Что случилось... Где Паша?

— Он с другой, — отмахиваюсь от жилистой и морщинистой руки отца.

Алиса зря его вызвала.

Он всегда уважал и даже восхищался моим мужем.

Говорил:

— Он человек жесткий, сильный и волевой. Таким мужчина и должен быть. Никогда не распустит нюни.

Делаю глоток воды.

Алиса отвела меня в комнату отдыха для старших менеджеров, сунула ватку с нашатырем под нос и угостила кислой карамелькой.

Помогло.

Меня немного отпустило.

— С другой? — папа не понимает.

Фокусирую на его лице взгляд. Даже морщины у него какие-то злые и презрительные, а глаза в сеточке лопнувших капилляров смотрят на меня обвиняюще.

Папа всегда так на меня смотрел.

— У него другая женщина, пап, — говорю я.

И все же не могу сдержать в себе отчаянный всхлип, который взрывается в груди острой болью. Прижимаю ладонь ко рту в попытке успокоиться.

— Он мне изменяет... — шепчу во влажные пальцы.

Папа не удивляется.

Папа не возмущается.

Папа не теряется от моего признания.

Судя по его вскинутой брови, он не понимает моей истерики. Меня накрывает одиночество.

— Возьми себя в руки, бога ради, — хлестко говорит он и отступает к креслу, в которое медленно садится.

Ему в прошлом году заменили правое колено, поэтому сейчас он немного медлительный.

— Мы разводимся, — сглатываю я, а мои слезы высыхают.

Не перед отцом мне рыдать и быть слабой.

— Это Павел тебе сказал? Или ты сейчас просто бьешься в истерику, как маленькая девочка в пубертате?

Я аж открываю рот от холодного цинизма отца.

— Уж не в твоём возрасте сопли распускать из-за любовницы мужа, — кривит тонкие морщинистые губы. — Ты, что, Паше скандал здесь закатила? В его офисе? Перед подчиненными?

Я ничего не отвечаю. Мой отец тоже изменял маме и поэтому не видит проблемы в том, что у моего мужа на стороне другая женщина?

— Мира, в двадцать лет простительно разводиться из-за

интрижек мужа, — отец снисходительно вздыхает и окидывает меня таким презрительным взглядом, что мне хочется помыться.

Хочется содрать с себя кожу.

— Хотя и в двадцать лет у женщины должны быть мозги.

За дверью раздаются приглушенные голоса, среди которых я слышу раздраженный тембр Павла.

Он еще тут?

Мой папа со вздохом встает:

— Пойду-ка я побеседую лучше с Пашей, — цыкает и вновь бросает на меня разочарованный взгляд. — Я позвоню маме. Пусть она тебе сопли вытирает.

Шагает к двери и отмахивается от меня, как от назойливой мухи. Я его в очередной раз разочаровала.

Он открывает дверь и громко окликает Павла:

— Паша, здравствуй!

И делает медленный шаг вперед, а я вскакиваю и следую за ним:

— Не смей унижаться перед ним!

Папа с резкостью, которой я не ожидала от человека с больным коленом, разворачивается ко мне. Щурится и цедит сквозь зубы:

— Тебе бы поучиться мудрости у мамы. Она никогда не позволяла себе так размазывать сопли по лицу. Где твоя гордость, Мира? Достоинство?

— О, Александр Иванович, — летит из глубины коридора насмешливый голос Павла. — Приехали дочку спасать от мужа-негодяя? Я тороплюсь.

— Неужели не найдешь и пяти минут для тестя? — папа шагает к Павлу, который ждет его у лифтовой площадки, сунув руки в карманы брюк.

Он стоит у лифтовой площадки, сунув руки в карманы брюк. Такой надменный. Такой недоступный. Такой насмешливый.

— Неужели не найдешь и пяти минут для тестя? — папа

шагает к нему, оставляя меня одну в коридоре.

Я вижу, как они обмениваются мужскими взглядами — понимающими, снисходительными. Будто я — непослушный ребенок, которого нужно поставить на место.

— Мира, — Павел бросает на меня холодный взгляд, — приведи себя в порядок. Ты выглядишь как сумасшедшая. Ты позоришь отца.

Из соседнего кабинета высовываются любопытные лица сотрудников. Кто-то шепчет, кто-то прячет ухмылку. Они все видят. Все слышат.

— Пап... — мой голос дрожит, но я все еще пытаюсь достучаться. — Ты должен быть сейчас на моей стороне.

Отец даже не оборачивается.

— Ты слышала мужа, — бросает он через плечо. — Приведи себя в порядок.

Павел нажимает кнопку лифта и, не глядя на меня, произносит:

— Что же, Александр Иванович, с вами я готов обсудить

условия нашего развода. Однажды мы обсуждали нашу свадьбу, а теперь пришло время развода.

— Не горячись, Паш. Дай ей время прийти в себя. Возраст у нее сейчас такой. Плюс еще проблемы с гормонами.

Двери лифта открываются. Они заходят внутрь вместе — мой муж и мой отец. Два самых важных мужчины в моей жизни.

И ни один из них не оглянулся.

Лифт закрывается.

Я остаюсь одна посреди коридора, под перешептывания коллег, под их жалкие, сочувствующие взгляды.

Мои ноги подкашиваются. Я медленно приваливаюсь к стене, а иначе я осяду на пол

— Мира, — ко мне на носочках подбегает Алиса и зло зыркает на коллег, — обед еще не скоро. Возвращайтесь к работе

Она вновь сует мне в руки бутылку воды, вытирает слезы и заглядывает в глаза с примиряющим шепотом:

— Ваш отец успокоит вашего мужа. Я поэтому ему и позвонила.

А вокруг — только чужие глаза, которые уже завтра разнесут эту историю по всему офису.

— Ты знаешь, кто она? — хватаю ее за руку и стискиваю ее тонкие пальцы до хруста. — Знаешь? Кто?

Кусает губы и коротко кивает.

— Кто?

— Моя старшая сестра, — едва слышно шепчет и совестливо отводит взгляд. — Божена.

— Если Павел Витальевич узнает... — Алиса решительно заталкивает меня обратно в комнату отдыха, — он меня прибьёт...

Захлопывает дверь, к которой приваливается спиной.

— Твоя сестра? — уточняю я.

— Да, — презрительно кривит губы.

Но кроме презрения к старшей сестре в глазах Алисы, я вижу... ревность. Она такая явная и острая, что я осязаю её кожей.

Алиса... влюблена в моего мужа?

Что за бред?

— Я заболела... осенью, — зло шепчет она, — и я попросила Божи́ну заехать **в** химчистку за пальто вашего мужа и закинуть его в офис. С этого всё началось...

Алиса сжимает кулаки, ногти впиваются в ладони, но она, кажется, не чувствует боли. Её голос дрожит, но не от страха — от ярости.

— А потом я... попала в больницу... с отравлением, — Алиса мило улыбается, — только грипп отошёл... и я с отравлением... И Божена заменила меня на эти пару недель...

Она резко обрывает свой рассказ, будто слова жгут ей язык. Глаза блестят неестественным блеском — не от слёз,

а от бессильной злобы.

— Понимаете теперь, почему он вдруг так часто задерживался на работе? — её смех звучит горько, почти истерично. — Божена... Она ведь специально рассказывала мне, как он...

Алиса вдруг замолкает, будто осознав, что сказала лишнее. Но по тому, как её взгляд метнулся в сторону, как сжались плечи, я понимаю: она не просто знала. Она видела.

Вновь смотрит на меня, и я понимаю по её разочарованному взгляду, что она хотела бы занять место сестры.

— Я просила её прекратить...

Алиса осознаёт, что в своей ревности рассказала многое и про себя. Теперь хочет оправдаться и сыграть честную и возмущённую девушку, но...

У неё сейчас одна цель — стравить меня и сестру.

— И я думаю... думаю, что она залетела от вашего мужа.

Губы Алисы искривляются в уродливой гримасе — будто ей противно даже произносить это вслух.

Будто её сейчас стошнит прямо на меня.

Я цепенею, кровь отливает от моего лица.

— Да-да, вы не ослышались, — теперь её голос звучит сладко, ядовито. — Она уже две недели таскается по врачам, но скрывает. А вчера я случайно увидела её переписку с подругой...

Она делает паузу, наслаждаясь моментом, и добавляет, почти шёпотом:

— Там были анализы.

Не может быть, чтобы всё было так банально, как говорила моя свекровь. Я словно в дешёвом сериале о слабой обманутой жене, которую в новых сериях ждёт лишь унижение — от мужа, родственников, друзей и детей.

Но Алиса ещё не закончила.

— Она уверена, что он уйдёт к ней, как только узнает. — Её губы дрожат, но не от сочувствия — от азарта. — Но... ведь так нельзя! — она опять пытается сыграть для меня женскую солидарность.

А я в шоке. В таком шоке, что забыла о слезах. Они высохли и остались сухими линиями соли на коже.

— Он знает? — мой голос звучит хрипло, как будто кто-то сжал мне горло.

Алиса закусывает губу, будто колеблется — то ли из жалости, то ли просто тянет время, чтобы усилить эффект.

— Ещё нет, — она бросает взгляд в сторону, будто проверяя, не подслушивает ли кто. — Но Божена... хочет устроить ему сюрприз, — фыркает презрительно, — ну... вы же знаете... Спрятать тест на беременность в коробочку, завязать красивым бантиком... Так глупо...

Меня бьёт как ударом тока.

И Пашин юбилей — сорока пяти лет — на следующей неделе. Я ему заказала бриллиантовые запонки у независимого французского ювелира, но, видимо, зря я тратила время на уговоры капризного мастера на эксклюзивный заказ.

Не будет у нас юбилея. Мы разводимся, и он в подарок получит тест на беременность.

Я закрываю глаза. В голове всплывает картинка — Пашин юбилей, красивый торт, гости... и этот ужасный "подарок".

— Как трогательно, — вырывается у меня ледяной смешок.

Губы дрожат. Прижимаю холодные пальцы к вискам.

— Моя сестра знала, что Павел Витальевич женат, — Алиса со лживым осуждением качает головой. — Я просила её остановиться. Просила... Говорила ей, что вы болеете...

Алиса отслеживала мои визиты к врачам. Ей поручил Паша, ведь я из-за забывчивости могла пропускать встречи с тётями и дядями в белых халатах.

— Мира, мне так жаль... — Алиса слабо улыбается, — я к вам всегда с большим уважением относилась, но... моя сестра всегда была такой... Ох, зря я тогда попросила забрать его из химчистки пальто... Я так виновата перед вами...

— Паша, правда, снимает ей квартиру на Восточной? — тихо спрашиваю я.

— Да, — Алиса отводит взгляд, — она всегда мечтала жить в двухярусной квартире... — слышу зависть в голосе Алисы, которая называет мне полный адрес, — Восточная, тридцать два, квартира сто сорок пять... — кидает на меня беглый взгляд, — у меня есть дубликат ключей.

Алиса явно хочет спустить меня, как разъярённую собаку, на сестру, а я не могу мыслить трезво.

Протягиваю руку и раскрываю ладонь:
— Отдай ключи мне.

— Павел, — начинает мой будущий бывший тесть, — она же женщина... — примиряюще улыбается, — а они живут эмоциями. Дай моей дочери время.

Я делаю глоток кофе.

Горький и терпкий.

Закрываю глаза в очередной попытке успокоиться.

В кафе на первом этаже моего офиса нет ни одной живой души, кроме напряженного баристы за стойкой.

Слышу, как он со стуком ставит чистую чашку на поднос. Звенит стекло. Гудит кофе-машина.

Вдох-выдох.

— Да, Мирослава немного вспылила, — соглашается Александр Иванович, — но и ты ее пойми...

Не хочу я ее понимать.

Мы разводимся. Мирослава перешла из категории родных людей в категорию чужих, и, надо сказать, что я чувствую облегчение.

Зря она вломила на сегодняшние переговоры.

Я сжимаю чашку так, что пальцы белеют. Эти чертовы корейцы. Я был в одном шаге от того, чтобы сломать их на свои условия. Все шло идеально — до того момента, пока дверь не распахнулась с грохотом, и вся моя жизнь не превратилась в дешевый сериал.

Она меня опозорила.

Кричала... Нет, визжала о том, какой я козел и что она знает о моей любовнице.

Я слушал ее и думал: а она правда такая тупая или просто решила разыграть передо мной спектакль обиженной жены?

Я к Мире не прикасаюсь и лишний раз стараюсь избегать с ней физического контакта, а когда она рядом, то задерживаю дыхание, ведь под ее дорогим парфюмом я чую запах ее таблеток, которые она глотает каждый день горстями.

Да, лечится. Да, у нее проблемы, но удивляться моей любовнице при вводных данных... это откровенная глупость.

— Паш, пара дней — и она успокоится...

— Я больше не вижу в ней жену, — пожимаю плечами устало.

Мой голос звучит спокойно, но внутри — буря. Как она посмела? Врываться в мой офис, в мою профессиональную жизнь, в то, что я строил годами?

Отставляю чашку. По белому фарфору бежит капля кофе. Над головой проплывает холодный поток воздуха.

— Я устал от вашей дочери, — серьезно и без лишних оправданий смотрю на Александра Ивановича. — Если не ее сегодняшняя выходка, то я бы выступил за сохранение брака, а сейчас... — хмыкаю, — в этом нет никакого смысла. Ради чего терпеть ее истерики?

— Ради того, что ты ее любишь? — криво улыбается мой тесть, и я смеюсь.

Хлопаю рукой по подлокотнику кресла, и бариста за стойкой кидает в мою сторону беглый настороженный взгляд.

— Хорошая шутка, — у меня даже слеза выступает на правом глазу. Я ее вытираю и выдыхаю последний смешок, — вы мне поэтому всегда нравились, Александр.

Тесть молчит, и я чувствую его напряжение с разочарованием. Да, Мире нечем меня удержать в браке.

Да, я любил ее, но теперь я даже вспомнить не могу, что я хотел ее так, что мышцы сводили болью.

Это было будто не со мной. Не с нами.

— Какая любовь после двадцати пяти лет брака? — усмехаюсь.

Тесть не отвечает, но я вижу по его глазам, что он меня понимает. Любой мужик после двадцати пяти лет брака меня поймет.

Конечно, кто-то обязательно начнет лгать, что он любит жену, как и в молодости, но это наглое и бессовестное вранье, лишь бы не потерять теплое местечко под боком стареющей жены-клуши.

Ведь у таких мужиков ни черта нет. Лишь зарплата в сорок тысяч, тесная квартирка и дача, что досталась от родителей. Вот такие самцы будут врать, что бесконечно любят жен, потому что... у них нет выбора и нет надежды на свободу.

Потому что они никому не нужны, кроме своих старух. Вот они будут глотать истерики жен. Терпила.

Вращаю обручальное кольцо на пальце. Оно вдруг стало

таким тяжелым.

— Ценность женщины в сорок пять — ее мудрость, — поднимая взгляд на тестя. — Твоя дочь доказала сегодня, что у неё нет ни мудрости, ни элементарного чувства самосохранения.

Я резко снимаю обручальное кольцо и кладу его перед Александром Ивановичем. Тихий звон золота о стекло. Едва уловимый, но такой приятный. Я будто снял многолетние оковы.

Моя рука дрожит — не от волнения, а от бешенства. Я вновь вспомнил сочувствующие взгляды корейцев, которые, пусть и не понимали, о чем кричит Мирослава, но по-мужски осуждали ее истерику.

Восточные и азиатские народы точно знают толк в женской покорности и подчинении. Они не позволяют женам так кричать на мужей.

— Сейчас в нашем браке важна не любовь, — я подаюсь в сторону тестя, — а сдержанность и ум. Она не девочка, чтобы я понимал ее тупые вопли.

— Тебе тоже надо остыть, — тесть откидывается назад и закидывает ногу на ногу, — может, не помешает разбежаться по разным углам.

— Я не хочу быть с ней, — неожиданно говорю тихую правду. — Не хочу, — повторяю по слогам, — терпеть, искать компромиссы, игнорировать ее присутствие... Зачем? Может, ты мне ответишь?

Тесть хмурится.

Спасибо ему, что не пытается мне читать нотации о морали. Оставим эти пустые слова женщинам, которые почему-то в какой-то момент начинают считать, что их мужья должны их боготворить. Что их мужья — рабы в браке, а они — хозяйки.

— Пообещай мне, что не будешь с ней слишком суровым при разводе, — Александр Иванович поджигает тонкие губы.

— Если не будет чудить, — я встаю, резко отодвигая кресло.

Ножки скрипят по гладкому каменному полу.

— Я устал, — поправляю манжеты рубашки и галстук. — Наш брак с твоей дочерью исчерпал себя.

И я ухожу. К Божене.

Хочу почувствовать под руками ее мягкую кожу, вдохнуть сладкий запах и память ее упругое тело.

— Будем верить, что ты не пожалеешь, — вздыхает мне вслед тесть.

Оглядываюсь и ухмыляюсь:

— Не пожалею.

— Дамочка! Вы куда? — из-за высокой стойки в просторном фойе с высокими потолками поднимается мощная и грузная женщина. Ее голос режет воздух, как тупой нож. — Я вас что-то не припомню.

Сердце учащенно бьется под тонкой тканью блузки. Конечно. В каждом приличном жилом комплексе есть консьерж, который бдит за жителями и их гостями. Особенно когда муж специально предупредил персонал.

— Я в гости, — разворачиваюсь к женщине, заставляя уголки гуттаперчево растянуться в улыбке. — В сто сорок пятую.

Мраморный пол подошвой туфель неприятно поскрипывает, будто предупреждая: "Не ходи". Делаю глубокий вдох. В легкие врывается цветочный аромат диффузора - нарочито дорогой, как и все в этом проклятом доме. Жасмин. Или гардения. Точно такой же стоял в нашей спальне, когда Павел еще заходил туда.

— В гости, значит? — Консьержка медленно подплывает ко мне, массивное тело колыхнется, как желе. Такой даме и охранники не нужны. Она сама справится с нарушителями покоя элитных жильцов.

Губы сами собой складываются в презрительную гримасу. Конечно, она и ее коллеги получили ценные указания от мо-

его мужа. "Особое внимание гостям в сто сорок пятую, Марья Ивановна. Особенно если это... женщины".

— И кто же вас ждет? — ее голос звучит слащаво, но в маленьких глазках — сталь.

Кровь приливает к лицу.

— Любовница моего мужа, но вы и сами знаете, кто живет в той квартире,— выпаливаю, и тут же кусаю язык.

Слишком резко. Слишком... по-базарному.

Консьержка замирает, будто я плюнула ей в лицо. Слишком поздно понимаю, что зря показала зубы. Эта медведица за мою дерзость никуда не пустит.

— Я думаю, что вам стоит уйти, — произносит она с фальшивым сожалением.

Пальцы сами собой сжимаются в кулаки.

— Я пришла поговорить, — перехожу на шепот, вкладывая в каждое слово ту боль, что поймет каждая обманутая женщина. — Поговорить и посмотреть в эти... бесстыжие глаза.

Голос предательски дрожит. Консьержка прищуривается, изучая меня, как биолог — странное насекомое. Я вижу момент, когда она понимает: перед ней не истеричная дура, а женщина, которую предали.

— Значит, это был ваш муж, — хмыкает она. — А я все гадала, чей же это красавчик сорвался с поводка. — Ее толстые пальцы играют с бейджиком на груди. — Хорош чертяка, — криво улыбается, подбоченившись, — сама всегда за-

глядывалась, когда он мимо проходил. Такой весь деловой, крутой... И... — вот теперь в ее глазах проскальзывает что-то человеческое, — никогда не здоровался. Никогда.

— Не замечал, да? — уточняю я, чувствуя, как в груди разливается сладкий яд мести.

Лицо консьержки напрягается. Попала в цель.

— Он здоровается только с теми, кто ему полезен, — добавляю мягко, будто делюсь женской тайной. — Замечает только тех, от кого он может что-то поиметь. А вы... — мой взгляд скользит по ее строгому и простому платью с белым воротничком, — вы для него просто часть интерьера. Как этот диффузор.

Она вздрагивает, будто я ударила ее по щеке. Вот такой у меня муж. Он не уважает людей, которые ниже его по статусу. Они для него не существуют.

— На прошлой неделе, — обиженная моими словами консьержка кривит накрашенные губы, — ваш муженек заставил охранников удалить одну запись.

Горло сжимается. Видимо, консьержка действительно симпатизировала равнодушному Павлу. Он же у меня красавчик. Таких мужиков, как он, можно увидеть лишь в кино: высокий, широкоплечий, четкие и резкие черты лица, жгучие глаза... Те самые глаза, что смотрели на меня с такой нежностью в начале и с таким отвращением в конце.

— Какую запись? — спрашиваю, хотя уже знаю ответ.

Знаю по тому, как дрожат мои руки и как ноет пустота

внизу живота.

— Ваш муж, — консьержка переходит на официальный тон, будто зачитывает доклад серьезному профессору, — и... — подбирает подходящее слово.

— Эта шлюха... — вырывается у меня, и голос вдруг становится чужим, хриплым.

Весь мир против меня, но я должна выстоять.

Да, глаза жгут слезы, сердце сжимают холодные когти обиды и страха перед будущим, но... я выстою. Я запомню каждое слово моего мужа о том, что я — высохшая мумия, с которой противно спать в одной кровати. Нельзя такое говорить женщинам. Нельзя. Ни при каких обстоятельствах.

— Они занимались в лифте грязным непотребством, — сердито заканчивает консьержка.

О, Павел любит спонтанную близость. В нашей юности он мог в любой момент затащить меня в темный угол и взять. Грубо, глубоко, игнорируя мой стыд и шепот, что нас могут услышать или увидеть. Я будто чувствую на бедрах его жадные и требовательные руки, которые торопливо задирают юбку, его горячее дыхание на шее...

— А копия осталась? — спрашиваю тихо, будто живая мертвечина.

— Копия? — Консьержка ехидно поджигает губы, будто только этого и ждала. — У нас тут строгая политика конфиденциальности...

Она завела игру. Дразнит, намекает, что видео с камер на-

блюдения сохранились. А это видео мне точно пригодится. Я еще не знаю зачем, но я должна его достать.

— Вам бы с мальчиками из охраны переговорить, — консьержка вздыхает, — до меня-то лишь слухи долетели. Может, про видео и придумали. Знаете, мужики тоже любят сплетни распускать.

Она поворачивается, покачивая широкими бедрами, и медленно шагает обратно за стойку, намекая, что я могу идти в гости к Божене. Она отпускает меня с миром, но я все же увидела в ее глазах праздное любопытство: "Интересно, на что способна эта глупая жена?"

— А где можно охрану найти? — голос звучит ровнее, чем я ожидала.

— На цокольном этаже. Направо от грузового лифта, — облакачивается о стойку и задумчиво поправляет диффузор с тонкими черным палочками. — Вот как... Я лишь диффузор для этих богачей.

И куда мне?

К Божене или к охранникам?

— Паша, а ты что-то рано, — слышу кокетливый голосок за дверью.

Смеется.

Щелкают ключи в замочной скважине, а мое сердце вторит сильными ударами каждому повороту замка.

Я хочу сбежать, но я останусь.

Дверь распахивается:

— Ты так по мне соскучился, да? Но у тебя же есть ключи...

Смех резко обрывается, ведь на пороге стоит не Паша, а я, его жена.

Божена испуганно замирает, широко распахнув глаза.

Какие у нее длинные и густые ресницы.

— Ой... — сипит она и хочет в испуге закрыть дверь, но я

машинально выставляю ногу вперед и острым носком туфли останавливаю тяжелое железное полотно.

Боль пронзает пальцы, но я даже не моргаю.

— Здравствуй, Божена, — говорю так сладко, что сама чувствую, как сахарная глазурь словно обволакивает каждое слово. — Можно войти?

— Я... не ждала... я... — крепко сжимает ручку двери.

Правда, красивая. Короткая и тоненькая ночнушка с кружевом по подолу подчеркивает аппетитные изгибы ее сочного тела и полную грудь.

Значит, моего Пашу потянуло на сладких булочек с большими коровьими глазами?

А я же — сушеная вобла с кожей-пергаментом, и на мне ночнушки из шелка с кружевом не так соблазнительно струятся.

— Скоро Паша... Паша приедет... — тихо сипит Божена.

Я медленно переступаю порог, заставляя ее попятиться. Дверь с тихим скрипом закрывается за моей спиной.

— Пожалуйста... — Божена прижимается к стене, будто пытаясь стать частью обоев прихожей — нежно-розовых, с золотыми завитками. — Паша будет недоволен...

— Я его жена, — напоминаю я. — И ты пугаешь меня моим же мужем?

Кидаю взгляд на ее грудь, которая мягко и провокационно колышется при каждом неровном вдохе.

Свои? Или вставила?

Поднимаю взгляд на бледное лицо Божены, которая продолжает играть испуганную лань перед хищником.

Только вот какая из меня хищница? Я — уставшая женщина, которая сидит на сильной гормональной терапии.

— Ты мне кофе не предложишь? — горько усмехаюсь я.

— Я люблю его, — неожиданный и смелый ответ на мой вопрос. — И я... я... — хочет найти себе оправдание, — я старалась бороться...

— Хватит, — прижимаю пальцы ко лбу.

Все это реально.

Любовница Паши — реальна. Красивая, фигуристая и с большой грудью, а я все никак не могу принять эту правду.

Слишком больно, но в то же время... прозаично и буднично.

И банально.

Я обескуражена. Мой муж — такой же, как и остальные мужики при деньгах и власти.

Не благородный принц, не верный рыцарь, а обнаглевший мужик, который решил, что имеет право на любовницу.

— Мира, послушайте... — шепчет Божена и суетливо приглаживает волосы. Убирает их за уши, открывая холеное свежее лицо, — я вам не враг...

— Правда? — смеюсь. — А кто? Подруга, что ли?

— Ну... — она запинаясь, путается в собственных мыслях, как в кружевах своего пикантного белья. — Я... — смотрит на меня наивно и глупо, — всегда отпускала его к

вам...

— Чего?! — я хохочу.

Резко и некрасиво, а Божена отводит взгляд.

— Отпускала? — повторяю я и делаю шаг к Божене. Заглядываю в ее лицо. — А ты кто?

Может быть, моя свекровь была права в том, что мне стоило переиграть эту шлюху и оставить ее ни с чем. Стоило ее сожрать? Стоило оставить без Паши?

Но... я же поддалась эмоциям. На языке горчит разочарование.

— Отпускала, — я вновь смакую эту возмутительную глупость.

— Мне было достаточно просто его любить...

Боже мой, какой бред. Ни одна из таких нимф с большими и красивыми глазами почему-то не любит доставщиков из "Яндекса". Или милых парнишек, которые стоят за стойкой в забегаловках и кричат: "Свободная касса!"

Нет, они все хотят любить богатых и успешных мужиков.

— Тебе же надоело его просто любить, — возражаю я, но без ярости или ненависти. С принятием, — ты ведь беременна, да?

Поднимает на меня удивленные глаза, словно увидела во мне не жену Павла, а экстрасенса, способного читать мысли.

Прелестная красавица. Наверное, она также смотрит на Павла, когда давится его мужским достоинством.

А я так смотреть не умею. Да и выглядеть это будет глупо. Мне же сорок пять. Я не девочка, чтобы вот так хлопать глазками.

— Как вы узнали...

— Твоя сестра рассказала.

И мне удастся на секунду выдернуть настоящую Божену на свет. Глаза ее темнеют, по лицу пробегает тень презрения и гнева.

Нет, передо мной не трепетная лань стоит, а злобная гiena, которая лишь прикидывается очаровательной глупой

женщиной.

Щелкает замок, ручка на внутреннем полотне двери дергается вниз, и дверь открывается.

— Он пришел, — попискивает Божена, мгновенно снова превращаясь в испуганную птичку. Но в ее глазах уже мелькает торжество — ее рыцарь на белом коне прибыл.

Она надеется, что он защитит ее.

Дверь распахивается, и в проеме возникает Павел. Его дорогой костюм слегка помят, а в руках — ключи от машины.

— Почему у тебя дверь не заперта? — грозно вопрошает он и мрачно замолкает, увидев меня.

Павел все-таки пришел к своей красавице, и, предполагая, у моего отца не вышло уговорить его спустить ситуацию с разводом на тормозах.

Стоит на пороге квартиры грозный и недовольный. Желваки играют на щеках, а на висках вздулись вены. Крепко сжимает ключи от машины в кулаке. Аж костяшки побелели. Крылья носа вздрагивают при выдохе.

Хорош, черт, и ведь он знает об этом.

Знает, что женщины засматриваются на него. Знает, что деньги и власть делают его еще привлекательнее.

Знает, что его сорок пять лет — это не мои сорок пять.

Весь мир у его ног, и он может взять любую женщину, а я стала для него обузой.

Как же все это грустно.

И несправедливо.

— Что. Ты. Тут. Делаешь? — чеканит каждый слог глухим голосом.

А я испорчу Божене ее сюрприз с беременностью. Хотела

упаковать тест с двумя полосками в красивую коробочку и обвязать ее ленточкой?

Нет.

— Она беременна, — заявляю я и разворачиваюсь к Павлу на носочках.

Грациозно и вскинув подбородок.

В горле застрял ком слез, поэтому новость о беременности Божены выходит сдавленной и тихой.

— Паша... — Божена всхлипывает и кидается к Павлу, а затем, испуганным зайчонком, прячется за его спину. — Ты должен был все это не так узнать...

Это так мило, как она ищет у злого Павла защиты.

Когда-то и я пряталась за ним, а сейчас оказалась его врагом.

— Ты должна уйти, — тихо приказывает Паша. — Мира... Ты уж совсем не позорься.

— Ты мне когда-то обещал любить только меня, — горько усмехаюсь. — Помнишь свои признания? М? — прищуриваюсь.

Бессмысленно. Все это бессмысленно.

Он разлюбил. Он меня последние годы лишь терпел, а те-

перь я лично подарила ему карт-бланш на развод.

Стоило послушать свекровь и сыграть в долгую и изощренную игру, в которой Божена оказалась бы ни с чем.

Ох, какая же я дура.

Но играть в такие игры могут только те женщины, которые не любят и у которых за годы брака атрофировалась душа. А она у меня сейчас бьется в конвульсиях.

— Станешь вновь папочкой? — подплываю к Паше и заглядываю в его черные глаза. — Да, твоя мама была права. Божена готовилась к атаке. Готовилась выйти из тени.

— Проваливай, — наклоняется ко мне и выдыхает жар ненависти мне в лицо, — или я тебя выволоку, Мира, за волосы.

Я не отступаю. Не моргаю. Сердце колотится так, будто хочет вырваться из груди и упасть к ногам Павла.

Когда я потеряла его?

— Ты скажешь нашим детям о разводе? И когда познакомишь с Боженой? — хмыкаю. — Она же родит им нового братика или новую сестренку.

Я должна уйти.

У нас с Пашей все кончено, и впереди только развод, но я зачем-то вывожу его на эмоции.

Может быть, хочу хотя бы через его ярость напомнить

ему, кто я?

— Мира, — шепчет позади молчаливого Паши Божена, — я всего этого не хотела... Зачем вы так...

— Свадебку нам ожидать? — игнорирую бессовестную шалаву, которая сейчас играет для Паши испуганную овечку, которая была готова до самой смерти быть его любовницей. — На свадьбу пригласишь? — вскидываю бровь и язвлю. — Мы же не чужие друг другу люди.

Он наклоняется ближе, и его темный взгляд обжигает меня страхом.

Впервые за двадцать пять лет я пугаюсь Павла. Я сейчас поверю в то, что он может меня ударить и за волосы потащить к лифту.

— Обязательно приглашу, — хрипло отвечает он, — раз ты так напрашиваешься.

Его не возмутили мои слова о свадьбе.

Даже искры недоумения не вспыхнуло в его глазах.

Значит... Божена не просто любовница для слива напряжения и дури. Она — его женщина, которую он все равно вывел бы из тени.

Вывел бы.

Для тактики хищной жены, которую предлагала свекровь, было поздно. Божена уже успела ласковой змеей вползти в

сердце Паши. Она свернулась там клубочком.

Я хочу, чтобы он пожалел.

Так хочу, что руки дрожат, и желудок сдавливает болью.

Я хочу стереть его наглую ухмылку с лица. Хочу, чтобы Божена стала для него не сочной красавицей с полной грудью, а блеклой, неинтересной тенью.

Хочу, чтобы он вновь видел меня в снах, рожденных животным возбуждением, но... сейчас он видит во мне мумию. Оно так и есть.

Моя кожа истончилась, я похудела.

— Я обязательно приду на вашу свадьбу, Паша, — касаюсь галстука, который был подарен мной. — Но вы не затягивайте... невеста с пузом в белом платье — это... неприлично.

Вот теперь я ухожу. Переступаю порог. Мои низкие каблуки тихо постукивают по мраморному полу.

— Паша... Я не знала, что она придет... — жалобно сипит Божена. — Я ждала тебя... поэтому дверь открыла... И... это оказалась она.

Она.

А раньше я была сладким мышонком.

Любимой девочкой. Зайкой и котенком.

Куда все ушло?

Когда двери лифта закрываются, я прячу лицо за ладонями.

Лифт плавно трогается вниз, а вместе с ним обрушивается в пропасть что-то внутри меня.

Сквозь пальцы прорывается предательская влага — слезы, которые я так отчаянно пыталась сдержать перед ними. Но теперь уже неважно. Здесь, в этой кабине с зеркальными стенами, я вижу свое отражение: бледное лицо, тушь слегка размазана, губы сжаты в тонкую ниточку.

«Мумия», — снова всплывает его слово.

Я резко опускаю руки и впиваюсь ногтями в ладони. Боль — хоть какое-то подтверждение, что я еще жива.

Динг.

Первый этаж. Двери расходятся, и я выхожу в холл, и ко мне решительно шагает консьержка. В глазах горит ярость. Резко останавливается передо мной и молча протягивает белую флешку:

— Вот. Та самая запись.

— Мам, почему ты молчишь?

Мама сердито поправляет бутоны высоких роз в вазе. Спиной ко мне. Её строгий пучок на голове меня нервирует.

Как в детстве.

Мама всегда, когда злилась, собирала волосы в тугий пучок, вставала ко мне спиной и чем-то занимала руки, пытаюсь сдержать в себе гнев и раздражение.

Сегодня её руки заняты розами, которые, вероятно, утром отправил ей мой папа. Он каждый день отправляет ей букеты цветов.

Я восхищалась отцовской любовью к маме, но после сегодняшней встречи и слов о том, что я истеричка и должна быть умной женщиной, я... растеряна.

Мой отец тоже изменяет маме, а она терпит? Принимает? Не видит в этом проблемы?

— Я не знаю, что тебе сказать, — пожимает плечами и отрывает нижний подвядший лепесток, — кроме того, что

тебе стоит успокоиться.

И опять замолкает.

В западной гостиной просторно, и окна открыты нараспашку, но я задыхаюсь. Я в королевстве кривых зеркал.

— Тебе уже возраст не позволяет истерики и слёзы, — откладывает лепесток на стол. — Но ты... уже дров наломала, поэтому какой я могу дать тебе совет?

— Дров наломала?

— Да, — мама оглядывается. — Мира, милая, тебе сколько лет? — сама отвечает на вопрос. — Сорок пять. Мозги где?

Я медленно моргаю.

— Измена — это не конец света, — с осуждением вздыхает. — Ты себе в разы усложнила жизнь с разводом, но твоё право. Ты ещё витаешь где-то в облаках...

— Значит, тебе отец тоже изменяет? — горько усмехаюсь я.

— Сейчас уже успокоился, — мама мягко улыбается уголками губ, а в глазах нет ни тени злости или ревности, — и ты хоть раз была свидетельницей моих криков? М? наших скандалов? Или я позволяла посторонним людям слышать мои истерики?

— Нет, — медленно отвечаю я, чувствуя, как внутри всё сжимается.

Мама никогда не кричала на папу и никогда не плакала

на публике. Всегда была мила, нежна, спокойна и очаровательна. Ею все мужчины в нашей семье и в окружении отца восторгались и невероятно уважали. Кончики пальцев целовали, шёпотом рядом с ней говорили и никогда не смели усмехнуться в её сторону.

Мама поворачивается ко мне, наконец, и её лицо кажется таким усталым, таким... привыкшим. В ушах вспыхивают бриллиантовые серьги. Это тоже папин подарок.

Видимо, благодарность за её мудрость.

— Мне были важны наша семья, наш дом, наше положение, наша репутация, — говорит она тихо. — Я была на защите нашей семьи, потому что понимала... — позволяет себе короткий смешок, который осуждает меня, — понимала — эта жизнь не про розовых единорогов, Мира. Это борьба. И борьба женщины за мужчину — тихая, а ты... никогда не любила бороться и защищать.

Я открываю рот в желании оспорить её жестокие слова, но не могу ничего сказать, ведь в её словах есть извращённая правда. Та правда женщин из высшего общества, которое не осуждает измены богатых мужей и которое ждёт, что жёны — не про любовь. Они про статус, обязанность, долг и привычку.

Но я... так не могу. Может быть, мне правда не хватает женской мудрости, хитрости и терпения к мужскому эгоизму.

— Твой отец в итоге мой, — мама на секунду не скрывает своего самодовольства, — а все эти профурсетки остались ни с чем, и все они... — тёмная тень в глазах, — оказались на обочине жизни. А я тут, — разворачивается к розам и вновь внимательно разглядывает лепестки, — законная жена, которую каждый вечер благодарят. Ты же... — вздыхает, — будешь одна. Такой у тебя характер. Уверена, начнёшь всем что-то сейчас доказывать.

Мне холодно. Я тянусь к шали, которую сбросила с плеч минуту назад.

— Так нельзя, мама. Это неправильно... Где твоя гордость? — вырывается у меня, и голос звучит резче, чем я планировала.

Мама замирает, её пальцы сжимают стебель розы так, что кажется, вот-вот сломают его.

— Мне именно гордость не позволила быть хабалкой, — оглядывается через плечо. — Скандалисткой. Я никого не опозорила. Я не позволила нашей семье развалиться, а ты... это позволяешь. Никто этого не одобрит, Мира.

Она медленно опускает цветок и смотрит на меня с холодным, почти аналитическим интересом, будто я — неудачный эксперимент.

Я чувствую, как кровь от гнева приливает к лицу.

— Тебя теперь ждёт только жалость и пересуды, — хмурится. — Новую женщину Павла примут, а тебя будут за спиной обсуждать и жалеть, ведь ты проиграла другой женщине.

— Это какой-то бред... Он предатель и обманщик...

— Он — мужчина. Богатый, властный, с опасными связями, — говорит ровно. — Он дружит с мэром, прокурором. Никто ему слова не скажет и даже согласится, что ваш развод был верным решением, ведь он имеет право быть с другой. Имеет право выбирать и отказываться от жены, которая не знает элементарных приличий.

— Ты должна меня поддержать.

— Нет. Я должна быть с тобой честной, — немного клонит голову набок, — и ты должна понимать, что мы не станем ссориться с Павлом и его семьёй.

Я смотрю на неё — на её безупречный маникюр, на бриллианты в ушах, на строгий пучок, который всё так же идеален, как и её репутация. И вдруг понимаю, что она... боялась. Всегда боялась остаться без этого — без статуса, без уважения, без этих роз, которые папа присылает не из любви, а из чувства долга.

— Так нельзя жить, — в ужасе шепчу я.

— Да, мы многое упустили в твоём воспитании, — мама разочарованно качает головой, — но теперь нам с твоим отцом остаётся только наблюдать, что будет с тобой.

10

— Я как честный мужчина оставляю тебе этот дом, — заявляет Павел, развалившись на диване.

Пьёт кофе, что-то смотрит в телефоне и хмурится.

На втором этаже суетятся двое его помощников. Собирают его вещи.

Я вернулась от мамы разбитой, униженной и растерянной.

С изменами Павла я узнала о некрасивой стороне нашей семьи: никто из наших мужчин не отличался верностью и уважением к жёнам.

Я жила в счастливом неведении. Восхищалась любовью моих родителей, верила Павлу и любила.

А не должна была.

— Мам, — раздаётся за спиной голос старшей дочери Поли, — вы правда разводитесь?

Я оглядываюсь.

Ей двадцать пять. Паша после университета поставил её

во главе одного из своих филиалов, и она справилась, хотя никто не верил, что хрупкая девушка сможет управлять капризным коллективом. Она смогла. Без криков и без истерик.

— Ты думаешь, я пошутил? — Паша откладывает телефон. — Или, как сказал бы твой брат... это был пранк?

— У твоего отца другая женщина, — пожимаю плечами, — а со мной... ему противно ложиться в постель.

От дочери веет лёгкими духами — что-то свежее, с нотками бергамота. Это её новый парфюм, подарок от коллег на день рождения.

— О, решила поделиться с дочерью интимными подробностями нашей жизни? — Паша вскидывает бровь.

Домой к вечеру он вернулся от Божены без гнева и раздражения, и я понимаю почему: он удовлетворил свою красавицу, снял напряжение, ярость и расслабился.

Сейчас он под мощной дозой эндорфинов, и могу ждать от него лишь ленивое высокомерие и вальяжные насмешки.

— Это твои слова, — пожимаю плечами.

— Я от них не отказываюсь, — делает глоток кофе, не отводя от меня взгляда.

Горячий пар поднимается от чашки, смешиваясь с горь-

коватым запахом свежего эспresso.

Он пьёт кофе чёрным, без сахара — всегда так.

Этот терпкий аромат раньше ассоциировался у меня с утрами, когда он, ещё сонный, целовал меня в шею, а я смеялась и отстранялась: «Паш, ты не побрит. Царапаешься».

Теперь этот запах кажется мне ядовитым.

На втором этаже гремят ящики, слышен скрип паркета под тяжёлыми шагами помощников. Они переговариваются вполголоса.

Их голоса глухо доносятся через потолок, будто из другого мира. Один из них роняет что-то металлическое — раздаётся звонкий удар, за которым следует сдержанное ругательство.

— Я с вас три шкуры сдеру, если что-то сломаете! — кричит Павел, глядя на потолок. — Безрукие ослы!

— Это Божена, — разворачиваюсь к молчаливой дочери, которая лишь сглатывает. — Ты знаешь Божи́ну?

Павел ставит чашку на стеклянный столик с глухим звуком. Звук резкий, будто точка в конце предложения.

— Не втягивай дочь, Мира, — чётко проговаривает он. — Мне было достаточно того, что ты испортила мне перего-

воры.

— С корейцами? — едва слышно спрашивает Поля.

Павел медленно поднимается с дивана. Его движения плавные, как у хищника, уверенного в своей силе.

— Я тебе позвонил, чтобы ты маме слёзы повиатирила, — хмыкает и поправляет полы пиджака. — Ты же девочка, — делает шаг к дочери, которая медленно выдыхает. — А с Боженой я тебя обязательно познакомлю лично.

Выдерживает многозначительную паузу, затем тихо, но твёрдо говорит:

— И вы с ней обязательно подружитесь.

Паша не оставляет дочери выбора своим категоричным заявлением.

— Может, ты ещё обрадуешь нашу дочь новостью, что твоя милая Божена ждёт ребёнка?

Я вскидываю подбородок и с трудом выдерживаю тёмный, тяжёлый взгляд Павла.

Я инстинктивно втягиваю воздух, когда он наклоняется в мою сторону. Запах его одеколona — дорогого, с древесными нотами — теперь кажется удушающим.

Неожиданно он смеётся:

— Даже удивительно, что я так долго продержался в браке с тобой.

— У тебя будет ребёнок? — хрипло переспрашивает Поля.

— Да, — улыбается, обнажая белые ровные зубы в самодовольной ухмылке, — я снова стану папой, — дотрагивается пальцем до кончика носа Поли, — не раскисай, малышка. Поля замирает и поджимает губы.

— Ты меня никогда не разочаровывала, — Паша касается её щеки, — и я знаю, что ты оставишь глупые обиды и ревность маме.

Целует дочь в лоб и выходит из гостиной, крикнув к потолку:

— Ускорьтесь, рукожопы!

Поля тяжёлым шагом идёт к креслу, медленно садится и глухо шепчет, закрыв лицо руками:

— Мам, как ты всё это допустила?

— И что ты будешь делать, мам? — спрашивает Полина.

— И зачем ты скандалила при корейцах, мам?

Поджимаю губы и постукиваю по краю чашки с чаем с мелиссой и мятой.

— Мам, — продолжает Поля. — Ты же прекрасно знала, что это один из самых важных проектов папы...

— Ты не забыла, что он мне изменяет? — наконец спрашиваю я.

— А такие вопросы не решаются в присутствии чужих людей, мам, — Полина хмурится. — А потом ты удивляешься, почему папа взбесился?

— Ты на его стороне?

— Я на стороне адекватности, мам, — Полина щурится. — Ты бы меня поняла, если бы сама... — резко обрывается.

— Продолжай, Поля, — я медленно разворачиваюсь к ней.

— Если бы сама была во главе хотя бы маленького проекта, — Полина скрещивает руки.

— Вот как?

— Да, мам, — Полина не отводит взгляда. — Папа год мурыжил этих корейцев. Год, мама.

— Он мне изменяет.

— Разводись, — чётко проговаривает Полина и повторя-

ет. — Разводишься, мам, но разводишься так, чтобы за твоей спиной над тобой не смеялись, а над тобой будут смеяться.

Я чувствую, как в руках рождается дрожь. Я была жалкой. Вот о чём говорит Поля. Я была жалкой перед корейцами, перед переводчиками, перед подчинёнными Павла. Я была громкой, истеричной и жалкой.

Будут обсуждать не Павла, а меня. Будут жалеть, вздыхать и прятать злорадные улыбки: жена опасного босса устроила шоу для его иностранных партнёров, и все вывернут так, что это Паша развёлся со мной.

Развёлся из-за моих истерик. Развёлся, потому что я его опозорила и потому что он такое не потерпит.

— Не буду я тебя уговаривать быть с папой, — Полина пожимает плечами, — или терпеть его измены. Сейчас никого не удивишь разводами. Люди сходятся, расходятся, но то, что ты устроила... ты в первую очередь ударила по своей репутации.

— Твой отец... назвал меня...

— Но не при посторонних, — Полина качает головой, — а ты позволила себе унижать его при других. При других мужчинах. При тех мужчинах, которые уважают женскую покорность и тихий нрав. Мам, ты же замужем не за сантехником, в конце концов. Это женам сантехников простительно орать на всю Ивановскую об изменах, лезть в драку и позориться перед соседями.

Я хочу сбежать.

— Не надо меня отчитывать...

— Ты хочешь слухов, пересудов, смеха за спиной или развода, после которого у тебя будут деньги, уважение и, возможно, помощь? М? — Полина вскидывает бровь. — Мозги включи, мам! Мозги!

Полина аж встаёт на ноги под волной гнева:

— Ты понимаешь, что развод — это не сопли и слюни?! — она уже кричит на меня. — Обидно, что папа изменяет? Сделай так, чтобы он пожалел! Сейчас ты в его глазах просто истеричка, от которой он рад избавиться!

— Не кричи на меня...

— Ты не понимаешь, — она от меня устало отмахивается, — ты опять не слушаешь. И я уверена, что ты сейчас и на меня обидишься, — смеётся, — ведь я не поддержала твой глупый перформанс перед корейцами.

Она наклоняется ко мне и всматривается в глаза:

— Ты сама никогда не добивалась уважения у других, — выдыхает в лицо, — сначала ба и деда тебя опекали, потом ты пользовалась репутацией отца. Может, поэтому папа и изменяет тебе? Может, поэтому он позволяет себе тебя оскорблять, м? Потому что нет уважения. И вот в чём проблема, мам... Я сейчас говорю про уважение в целом.

Жестокие слова.

Бьют под дых.

Морозят и перекрывают кислород, но... честные.

Забавно, от мамы я требовала честности, а когда я её получила от дочери, то хочу плакать и кричать.

— Кто ты без папы? — Поля не моргает. — И это очень важный вопрос, мама, если вас ждёт развод, мама.

— Не надо так со мной...

— И помнишь мой пятый класс? — Полина криво усмехается. — Меня тогда обижали. Ты потребовала у отца перевести меня в другую школу, а он сказал, что я сама должна поставить на место обидчиков. Ты добила своего. Меня перевели, но история повторилась. Опять обижали...

— Неправда... В новой школе было всё хорошо...

— Нет, мам, — Полина улыбается. — Хорошо стало потом. Когда я заставила себя уважать. Когда я перестала сопلي на кулак наматывать, хныкать. Когда я перестала быть жалкой, мам.

— Почему... ты мне не говорила?

— Вот и ты перестань быть жалкой, — приглаживает мои волосы на макушке, — разводишься красиво.

— Я... не знаю как... — всхлипываю. — Мне очень обидно, Поля... Я же люблю твоего отца...

— Вот он тоже себя очень любит, мам, — Поля улыбается. — А ты себя любишь?

12

— Мама и папа разводятся, — заявляет Поля, хрустя чипсами, которые она достает из пачки с громким шуршанием.

Антон настороженно поправляет очки на носу — тонкая платиновая оправа холодно блестит в свете вечерней лампы, накидывая ему лет пять.

Он у нас метит в дипломаты.

Учится на последнем курсе факультета международных отношений. Весь прошлый год провел во Франции на стажировке в посольстве.

За него замолвили словечко знакомые Павла, который не стал раскрывать их имена. Слишком конфиденциальная информация, которую и жене не стоит раскрывать.

Неожиданно только сейчас понимаю, что у моего почти бывшего мужа действительно серьезные связи, которые позволят его сыну выйти на уровень международной дипломатии.

Конечно, мои родители не станут с ним ссориться.

По-хорошему, и мне не стоит.

Как-то зябко становится под пристальным и внимательным взглядом сына.

— У твоего отца другая женщина, — поясняю я и смахиваю с колена невидимую крошку.

— Божена, — отвечает Антон, не отводя взгляда. Его глаза — холодные, как лед, но в них мелькает что-то еще — усталость? Разочарование?

Совершенно не могу понять его эмоций. Моего сына не разгадать с одного взгляда.

— Ты знал? — спрашиваю я, и мой голос предательски вздрагивает.

Вот-вот сорвусь в крик. Я даже сжимаю кулаки и медленно выдыхаю в попытке успокоиться.

— Мам, у меня была встреча с папой перед тем, как я приехал домой, — терпеливо вздыхает, поправляя рукав рубашки. — И с Боженой.

— О, тебя уже познакомили, — хмыкает Поля и валится на диван, закинув ноги на подлокотник. Педикюр на ее пальцах аккуратный и строгий. — Какая честь.

Я смотрю на своих детей — взрослых, чужих внезапно. Антон сидит прямо, его поза — выверенная, дипломатичная, как будто он уже на рабочем совещании. Поля же разва-

лилась, но ее глаза — острые, злые, как у пойманной кошки.

Я сижу в кресле, чувствуя, как комната сужается, как воздух становится густым, тяжелым, как сироп.

— И как она тебе? — все же спрашиваю.

Зачем, не знаю. Может быть, мне мало унижений от Павла и теперь я хочу получить порцию насмешки от сына?

— Разве тебя это должно волновать? — Антон приподнимает бровь. — У вас давно назревал кризис. Скажем так, я не был удивлен.

Он выражался слишком отстраненно, словно он обсуждает не крах семьи, а биржевые сводки.

Словно он не ее сын, а сторонний наблюдатель, аналитик, дающий взвешенную оценку ситуации. Я пугаюсь его отчужденности.

— Мама считает, что у них все было прекрасно, — Полина шуршит пачкой чипсов.

У моего сына сейчас холодный, отцовский взгляд.

Сколько раз я видела это выражение на лице Павла, когда он считал мои эмоции излишними, мои переживания — надуманными.

Я аж вскакиваю с кресла, не в силах больше сидеть спокойно.

— Ничего прекрасного не было, мам, — Антон терпели-

во, как умственно отсталой, отвечает он. — Особенно после моего возвращения из Франции. С вами было тошно в одной комнате находиться...

— Ох, как недипломатично, братец, — Поля качает головой.

Антон кидает сердитый взгляд на Полину, которая по-детски показывает ему язык и корчит рожицу.

— Достаточно, — наконец тихо проговаривает он и вновь смотрит на меня. — Если вы расходитесь, то расходитесь. Я уже не мальчик, и знаю, что родители разводятся, но... — он немного прищуривается, — мам, давай без громких скандалов.

Тоже встает, чтобы я не смела смотреть на него сверху вниз.

— Все ваши решения так или иначе коснутся нас, ваших детей, — немного приподнимает подбородок и протягивает руку, — я знаю, что консьержка передала тебе видео с отцом.

— Какое видео? — Поля заинтересованно приподнимается и облизывает пальцы от желтых крошек чипсов.

— Ты тоже на его стороне?

— Мам, — Антон немного прищуривается. — Против отца не стоит идти с открытой агрессией. Он тебя сильнее.

— Я ей то же самое говорила, — соглашается Поля.

— Прислушайся к нам, мам, — Антон не моргает, — мы не враги. И мы сейчас знаем лучше, как тебе быть. Не будь одной из тех глупых разведенков, которые в итоге остаются

ни с чем.

— Ты дура! — категорично заявляет моя “любимая” свекровь. — Я тебе для чего все эти фотографии показала?!

Старушка в бешенстве.

А я пытаюсь следовать словам детей:

— Эмоции лишние. Особенно сейчас. Поздно плакать.

Я верю, что мои дети хотя мне добра. Вот такие они, воспитанные в семье, где не терпят “деревенской” эмоциональности и открытой конфронтации.

— Ты меня подставила перед сыном, — рявкает, и ее слюна брызжет мне на щеку.

Теплая, липкая. Я не вытираю. Ее дыхание пахнет мятными леденцами и чем-то кислым — может, желудочным соком, может, злостью.

— Ты о чем думала?

Я не спорю.

Я действительно подставила свекровь перед Павлом, который явно не был рад тому, что его измены вскрылись.

Конечно, он узнал, кто поспособствовал тому, что я во-
рвалась на его переговоры, громкая и обиженная.

— Я тебя все эти годы поддерживала, — Мария Николаевна переходит на гневный шепот, — все эти годы была на твоей стороне... Все эти годы защищала перед сыном, а ты вот чем мне отплатила?

Это — ее правда, и часть меня чувствует перед ней вину. Павел был не только мужем сложным, но и сыном, который не прощает слабости даже матери.

Я вдруг замечаю, как дрожит ее нижняя губа. Как морщины вокруг рта стали глубже. Она старая, и я сделала ей больно.

— Может, ты не родная для Вики?

Вика — это моя мама. При ее упоминании у меня все внутри съеживается, будто от холода.

— Мать у тебя другая, — свекровь вглядывается в мои глаза, — вот она бы на твоём месте так не поступила. Нет. Она бы не предала мое доверие, мое желание тебе опять помочь...

— Я прошу вас уйти.

Мне почему-то становится страшно от ее слов, что я могу быть неродной для мамы. Холодно и липко, будто гнилая рука мертвеца коснулась моей спины.

— Где порода твоей матери, м? Где достоинство?! — опять повышает голос.

Она замирает. Потом резко хватает свою сумку с кресла — кожаную и лакированную, пахнущую духами, которые я когда-то ей подарила.

Дышать нечем.

Торопливо шагаю через всю гостиную к окну. Я должна выпустить свежего воздуха и сделать глубокий вдох, чтобы отрезветь от паники, что вспыхнула от слов свекрови.

Неродная?

Глупости. Это лишь старческая обида. Свекровь прото ляпнула, а я зацепилась за ее глупые претензии.

Вот к чему приводят громкие истерики. К страшным обвинениям, от которых руки трясутся и ноги тяжелеют.

Я стою у окна, прижав ладони к холодному стеклу. Пара секунд и я тянусь к ручке окна, но замираю, потому что на дороге, что ведет к гаражу, выезжает машина Павла.

Сердце стучит чаще, но не от волнения, а от давления, что резко повысилось. В ушах нарастает гул.

— Некоторых женщин хоть воспитывай, хоть не воспитывай, а если нет ума... то тут никакие слова не помогут, — продолжает сетовать почти бывшая свекровь. — Вот скажи мне, за что ты так со мной? Знаешь, он же хотел с тобой еще пару лет назад развестись.

Машина останавливается на площадке у стриженных кустов чибушника. Задерживаю дыхание, когда из салона энергично выскакивает Павел.

Он нервно одергивает пиджак и приглаживает волосы. Замечает меня в окне. На секунду застывает, как хищник перед прыжком.

— А я тебя защищала, — вздыхает свекровь. — Просила его не рушить ваш брак... Так ты его сама похерила!

Павел на улице кивает мне и ждет реакции, прищурившись. Я тоже киваю, и он с одобрительной ухмылкой шагает к дому.

Через пару минут Павел врывается в дом, наполняя пространство резким запахом дорогого одеколона и холодного уличного воздуха. Его кожаные туфли гулко стучат по паркету, оставляя мокрые следы: видимо, наступил в лужу на дорожке перед крыльцом.

— Так, мама, я за тобой, — он подходит к Марии Николаевне, — достаточно ты пошалила.

— Я не поеду в дом престарелых! — она отбивается от него сумочкой, а затем смотрит на меня в ожидании моей защиты. — Мира, ты же ему не позволишь...

Вижу, как челюсть Павла напрягается, как пульсирует височная вена. Темная тень щетины ужесточают черты его лица.

— Мира... — сипит моя свекровь в последней надежде.

— Мира... Ты ему позволишь отправить меня в дом престарелых? — спрашивает моя свекровь.

Ее глаза, еще недавно метавшие молнии, теперь полны отчаяния и мольбы. Она цепляется за мое имя, как утопающий за соломинку:

— Мира...

— Паш, — мой голос звучит неожиданно твердо, хотя внутри все сжимается от предчувствия новой бури.

Я делаю шаг вперед, оказываясь между ним и Марией Николаевной. Запах его одеколona становится еще резче, почти удушающе.

— Ты что творишь?

Он криво усмехается, отчего шрам на его подбородке, обычно почти незаметный, проступает резче.

Это он получил камнем в детстве. Он был тем еще хулиганом: каждый день драки, каждый день приносил матери то синяки, то разбитый нос, то ссадины.

— Моя мать — теперь не твоя проблема, — он наклоняется ко мне, и его глаза вспыхивают черным гневом, — ты забыла? Ты теперь для нашей семьи... никто.

Его слова бьют наотмашь. Мария Николаевна за моей спиной всхлипывает.

— И с моей матерью я сам разберусь, хорошо? — цедит

сквозь зубы, внимательно и цепко вглядываясь в мои глаза.
— Повторюсь. Не твоя проблема.

Да, старая карга — не моя проблема, но спокойно наблюдать, как этот лощеный, самодовольный индюк унижает мать я не могу. Это выше моих сил.

У нас с Марией Николаевной все сложно, но она хотя бы не стала замалчивать об изменах сына.

Да, она ждала от меня других действий, но ведь правду сказала. Отдала в мои руки власть над ситуацией, а вот моя бы мама все скрыла.

Так что...

— Я никуда не поеду! — голос почти бывшей свекрови вновь обретает металлические нотки, но в них уже нет прежней уверенности, лишь голый страх. — Мира, скажи ему! Он не имеет права!

— Никуда она не поедет, — повторяю я слов свекрови и с угрозой прищуриваюсь, — у тебя совсем совести не осталось? — сердце колотится где-то в горле. — Она же твоя мать. Она... — медленно выдыхаю через ноздри твою бесовскую задницу мыла...

Близость Павла давит. Я почти физически ощущаю исходящую от него волну холодной ярости.

Но за спиной — Мария Николаевна, которая тихонько тянет меня за рукав блузки, ее пальцы холодные и дрожащие. Ее молчаливая, отчаянная просьба о защите перевешивает страх перед гневом Павла.

— Что, хочешь оставить ее у себя? — хмыкает Паша.

Тяжелый аромат древесного одеколона Павла смешивается с запахом старой кожи и лекарств, исходящих от Марии Николаевны. На языке — горький привкус адреналина.

В рожу ему расцарапаю, если он сейчас посмеет мою почти бывшую свекровь хоть тронуть пальцем.

Да, она противная старушка. Да, мы с ней не раз цапались. Да, она часто говорит мне гадости. Да, она считает меня непроходимой душой, но я выбираю ее сторону. Я буду бороться за эту гадкую старую ведьму.

Ей не место в доме престарелых, потому что очень жалко персонал и других старичков. Мария Николаевна их всех сожрет, косточки обглодает и потребует еще.

— Да, если она тебя не нужна, — четко и медленно проговариваю каждое слово, — то она останется у меня.

Взгляд не отвожу, а бровь Павла ползет еще выше, но затем его глаза сужаются. Он не верит мне.

Он медленно проводит языком по зубам, словно пробуя на вкус мою дерзость.

— Ты серьезно? — его голос — низкий, почти шёпот, но в нём слышится вибрация недоверия.

За спиной Мария Николаевна замирает. Её прерывистое дыхание горячими волнами обжигает мою шею:

— Я никуда не поеду.

— Абсолютно, — мои пальцы сжимаются в кулаки. — Ты ее не заберешь. не имеешь никакого права.

Павел делает шаг вперёд. Его рука поднимается — медленно, почти нерешительно — и вдруг резко хватает меня за подбородок.

— Очень любопытно? — его пальцы горячие и шершавые, пахнут кожей и чем-то металлическим. — Мира, а как ты меня остановишь?

Я не отвожу взгляд. Его пальцы сжимаются сильнее. Боль пронзает челюсть, но я не моргаю.

— Оформлю опеку над твоей матерью, — шиплю в его лицо, а он на вдохе вдыхает мой выдох.

— Моя мать, — он наклоняется ещё ниже, словно хочет меня поцеловать. — Тебя сейчас мастерски одурачила, — расплывается в улыбке.

— Что? — не понимаю я.

— И надо же, — ухмыляется, — ты умеешь не быть размазней.

Отпускает мой подбородок и похлопывает меня по щеке:

— Это было мило.

— Ну, — Мария Николаевна чинно шагает к дверям гостиной, — не все так плохо, как я думала, — оборачивается на меня через плечо, — я тебя прощаю.

— Завтра встреча с адвокатами, — напоминает Паша, поправляя ворот рубашки, — пришлю за тобой водителя в одиннадцать.

Разворачивается и следует за Марией Николаевной и у дверей гостиной оглядывается с усмешкой:

— Наши дети тебе хоть немного поставили мозги на место.

— И что это было, мам? — спрашиваю я.

Голова гудит.

Сначала моя мать скормила Мире фотографии, по сути, натравив бешеную истеричку на меня, а затем провернула глупую поездку к моей почти бывшей с криками, что я отдам её в дом престарелых.

Причём перед своим визитом сама же потребовала меня забрать от Миры, а если я не приеду, то она не даст мне спокойного житья.

Короче, всё это представление со слезами, испуганным шёпотом и решительностью Миры было срежиссировано для меня.

Только для чего?

Чтобы я смягчился? Чтобы я передумал о разводе?

— Я против вашего развода, — мама натягивает на сухие худые ладони перчатки из тонкой телячьей кожи, — ну, не

совсем уж она дура, Паша.

Точно.

Это представление было, чтобы я притормозил с разводом, ведь какая у меня смелая жена. Выступила в защиту моей мамы. Выступила за семью.

Конечно, сначала опозорила меня и себя, но это же мелочи. Я должен это проглотить.

Надоело.

Мира надоела.

И уже два года назад мне было душно с ней в браке. Уныло, муторно. Как в болоте, но я решил, что надо сохранить семью, что разводы в нашей семье не приветствуются... к чёрту.

— Я, конечно, думала, что она схитрит с тобой и этими фотографиями, — мама на заднем сиденье вздыхает и с осуждением откладывает сумочку в сторону. — Вы все гуляете. Вас всех в определённом возрасте тянет на сторону... Вам всем жена родная однажды кажется надоедливой и противной...

— Мам, прекрати, — медленно выдыхаю я, — не испытывай моё терпение. Наш развод — дело решённое.

Мама громко цыкает, высказывая мне своё недовольство. Почему она так завелась? Я бы не сказал, что между Мирой и моей мамой была какая-то близкая дружба или любовь.

Или это сейчас в ней говорит женская солидарность.
— Мужчины твоего статуса и уровня не разводятся...

Мама поправляет жемчужное кольцо, и оно холодно поблёскивает в полумраке машины.

— Божена беременна, — отрезаю я.

— Господи, — я слышу по голосу мамы, что она закатывает глаза, — тоже мне новость. Я этого ждала.

Мама с осуждением замолкает.

Нет, дело не в том, что ей жалко Миру. И не в том, что она хочет её терять с нашим разводом. И не в женской солидарности, и даже не в том, что она, как жена мужа-ходока, желает защитить невестку.

У их поколения не принято разводиться.

Мужик может ненавидеть жену, но он не уйдёт от неё, потому что "не принято". Будет куча любовниц, вторые семьи, содержанки, но о разводе не задумается. Даже если буквально будет тошнить от жены.

Моего отца тошнило от матери. Он с ней последние годы жизни даже не разговаривал, мои родители друг друга игнорировали, но не разводились, потому что... не принято.

Потому что разводы — для черни. Для нищих. Для быдла.
— Отправил бы на аборт, — пожимает плечами, — или заткнул бы деньгами.

— И скольких папа заткнул деньгами? — кидаю насмешливый взгляд в зеркало заднего вида.

Я жду, что мама сейчас оскорбится, обидится и в возмущении замолчит, плотно сжав губы, но я никогда так не ошибался.

— Без понятия, — усмехается мама, — главное, что мы не позволили нашему браку развалиться и что он не позволил мне быть разведёнкой.

Вскидываю бровь.

Да, будь мама на месте Миры, то она бы схитрила. Она бы не стала кричать при посторонних, раскрывать грязь нашей семьи, и семейное болото бы продолжало цвести и тихонечко булькать обоюдным презрением, унылой нелюбовью и ложью.

Но у нас с Мирой будет всё иначе.

Она приняла решение кричать, плакать и пойти против наших семейных устоев. У неё даже мысли не возникло, что стоит смолчать и затихнуть в попытке выиграть меня у Божены.

Она не испугалась развода. Не испугалась скандала. Не испугалась моей ярости и того, что две наши семьи будут против развода.

— Паш, — мама похлопывает себя по морщинистым щекам, чтобы придать им румянец. — Подумай ещё раз. Не спеши. Возможно, тебе просто нужна... передышка. Погуляй с Боженой, а потом возвращайся к Мире.

Не хочу я повторять в своей жизни сценарий родителей. Не буду я рядом с женщиной, к которой я не желаю прикасаться и которая сама меня тоже не особо хотела. Страсть между нами стала лишним элементом, а жить из-за долга... нет, спасибо.

— Тебе придётся принять Божену, мам, — хмыкаю я. — Как мою новую жену и как мать моего третьего ребёнка.

Утро. В доме пахнет влажным холодом, что вырывается с ветром на кухню.

Я сижу за столом, передо мной – холодная чашка чая.

Пальцы дрожат, когда я пытаюсь перелистать папку с бумагами, которые прислали адвокаты Павла. Сплошные цифры, пункты, подпункты. Отчуждение. Как будто разбирают на части не имущество, а меня саму. Каждая строчка – пощечина. "Права супруги", "Обязанности", "Раздел совместно нажитого". Нажитое... Двадцать пять лет жизни.

Я особо не вчитываюсь. Я знаю, что Паша отдаст мне столько, сколько посчитает нужным, и его адвокаты все подчистят и приведут к тем цифрам, которые Паша одобрит.

Я знаю, что буду с домом, машиной и со счетом, а на нем будет та сумма денег, которой хватит тихую и спокойную жизнь на лет тридцать. Мне не придется работать, если решу разлагаться в тоске и жалости к себе.

Павел позволит мне быть никчемной разведенкой, которая может жить праздно и без лишней ответственности.

Это его последний жест милости. Или презрения. Не знаю.

Звонок в дверь. Резкий, наглый. Не водитель Павла – он бы позвонил в домофон коротко и один раз. Сердце екнуло, сжавшись в ледяной ком. Кто?

Неужели Павел? Решил устроить последний спектакль перед встречей?

Открываю и замираю. На пороге – мой отец. В своем безупречном костюме, с холодным, как всегда, выражением лица. От него веет холодным утренним воздухом и дорогим, терпким одеколоном, который я ненавижу с детства. Он пахнет властью и безразличием.

– Мира, – кивает, не улыбаясь. Его взгляд скользит по моему лицу, по моей помятой домашней одежде, с легкой, привычной брезгливостью. – Пропустишь?

— И зачем ты тут?

Папа тяжело вздыхает, будто перед ним капризный, неразумный ребенок.

– Я здесь, чтобы поддержать тебя, Мира.

Слова звучат настолько нелепо, настолько фальшиво, что я чуть не фыркаю. Этот человек не поддерживал меня никогда. Он поддерживал Павла. Всегда. Его идеального зятя. Его продолжение.

Он входит, не дожидаясь приглашения, его плечо грубо задевает мое. Проходит в гостиную, снимает пиджак, аккуратно вешает на вешалку. Каждое движение размеренное, контролируемое. Как у робота. Как будто ничего не происходит. Как будто его дочь не разваливается на части.

— Я пришел, потому что это мой долг. Я вел тебя к алтарю двадцать пять лет назад. – Он делает паузу, его холодные глаза встречаются с моими. – Значит, я должен быть рядом,

когда этот... союз будет расторгнут. Провести тебя до конца. В этом я полностью согласен с Павлом.

— Конечно, ты согласен с Павлом! Вы же одинаковые! Он изменял жене, ты изменял жене!

Его лицо застывает. Губы сжимаются в тонкую белую ниточку. В глазах – не вспышка гнева, а что-то глубже, опаснее. Ледяная ярость.

– Замолчи, Мира, – его голос низкий, – не смей говорить о вещах, в которых ничего не понимаешь. Да, он мужчина, у него свои потребности...

– Потребности?! – вскрикиваю я. Голос рвется. – Все это для тебя нормально? Как и то, что я, возможно, вообще не родная дочь маме? Верно?! Так? Я права?!

Слова вылетают прежде, чем я успеваю их осознать. Слова Марии Николаевны, вчерашние, как раскаленный нож: "Может, ты не родная для Вики?.. Где порода твоей матери?.." Они жгли меня всю ночь, не давая уснуть.

Тишина.

Она повисает в воздухе, густая, звенящая, как натянутая струна. Отец замер. Весь его вид – спокойная мощь – вдруг сломался. Лицо стало каменным, мертвенно-бледным. Глаза, всегда такие холодные и оценивающие, расширились. В них мелькнуло что-то животное – шок, ярость, паника, но это длится всего лишь мгновение.

— Не смей, – цедит он сквозь зубы и раздувает ноздри, – Не смей говорить такое. Твоя мать... она святая женщина...

— Да, святая женщина... — смеюсь, — воспитала науглыша...

— Господи, что за бред ты несешь, Мира, — качает головой.

Мир вокруг меня качается, плывет. В ушах шумит. Я приваливаюсь к стене.

— Это правда? — шепчу я, и мой шепот звучит в оглушительной тишине как крик. — Папа... скажи мне правду.

— Правда в том, что ты дура, — папа вновь холодный и отстраненный. — Больше не задавай мне таких вопросов, Мира...

Адвокаты? Павел? Раздел имущества? Все это такая мелочь по сравнению с ложью длиною в сорок пять лет.

Телефон вибрирует на полке консоли у стены. Папа раздраженно подает мне мой смартфон:

— Это Паша.

Я прижимаю смартфон к лицу, не спуская взгляда с отца, который мог заставить мою маму воспитывать чужую дочь. Он мог.

— Я вместо водителя отца твоего отправил, — Павел на той стороне зевает.

И Паша бы мог устроить мне веселую жизнь. Выступил бы против развода и нашел бы, как меня заткнуть.

— Паш... — шепчу я.

— Что опять?

— Спасибо, — сглатываю и отступаю от отца, — спасибо

за развод.

— Я подписала, — резко кидаю увесистую папку с документами на полированный стол.

Раздается глухой шлепок дерева и бумаги. Паша лишь вскидывает бровь, не отрывая взгляда от меня.

Играется с ручкой: ручка скользит и постукивает по косяшкам, вертится с гипнотической ловкостью.

Лицо Паши слишком довольное, расслабленное. Да, я по его роже, по этому теплomu румянцу на скулах и влажному блеску глаз, могу с уверенностью сказать: утренняя близость с беременной шлюхой была отменной.

— Может, какие-то вопросы... — начинает настороженный адвокат Паши: седовласый усатый мужик.

Его взгляд — цепкий, холодный, как сталь — скользит по моему лицу, пытаюсь прощупать почву. От него несет затхлым запахом старых книг и дорогим одеколоном с нотками кожи.

— Никаких, — отвечаю я. — Я согласна со всеми пунктами.

Сажусь на жесткий кожаный стул напротив Паши. Он продолжает вертеть ручку, и ее металлический корпус тихо поскрипывает в его пальцах.

Рядом тяжело опускается мой отец. Я непроизвольно отодвигаюсь в сторону, чтобы увеличить расстояние, шерохова-

тость рукава его пиджака вызывает легкое раздражение на коже.

— Мне даже не верится, что все это реально... — печально говорит он. — был такой крепкий брак. Такая любовь...

— Достаточно, папа, — цежу сквозь зубы. — Ты лучше подумай о своем браке.

— Мы с твоей мамой сохранили семью и вместе встретим достойную тихую старость.

— Ты в это действительно веришь? — я разворачиваюсь к отцу. — В достойную старость? В то, что вы любите друг друга?

— Я, признаться, немного озадачен, — хмыкает Павел, — я ждал, что ты орать будешь на меня, а ты на отца спустила всех собак.

Он кладет ручку на стол с тихим щелчком.

Я все же напрягаюсь от его насмешливого голоса. Перевожу на него взгляд и поджимаю губы.

Мы не станем нашими родителями, и это для нас — хорошая новость. Паша был чудовищно честен со мной, когда назвал мумией и когда заявил, что ему противно прикасаться ко мне, но лучше правда, развод и новая жизнь, чем ложь, игра в счастливый брак и старость с натянутыми улыбками.

Хочу улыбаться честно.

Хочу честно злиться. Честно обижаться. Честно любить и честно ненавидеть.

И я могу честно ненавидеть Павла, а он может честно быть

с той женщиной, которая забеременела от него.

— Ты подпишешь документы на развод?

— Я теперь думаю, что... — улыбается шире, — что я где-то в этих документах серьезно напортачил, раз ты так легко их подписала.

Еще два года назад Паша хотел уйти, но остался из-за уговоров матери, из-за принятых устоев в наших семьях, которые не приветствуют разводы.

Я стала для него наказанием.

Конечно, он будет видеть во мне противную мумию. Нельзя с человеком жить через силу и из-за чужих правил.

Нельзя, а иначе увидишь в жене отвратительную до тошноты уродину, чей голос будет раздражать. Чей запах будет казаться вонью.

— Я подпишу любые бумаги, — смотрю на Павла прямо и открыто. — Соглашусь на все, что ты предложишь...

Сглатываю:

— Кроме измен и внебрачных детей. Наш брак должен быть другим. Хочу... — горько смеюсь, — хоть что-то оставить от нашей любви, Паш. А мы ведь любили. Это по нелюбви можно стерпеть гулянки мужа, его любовниц...

Папа рядом тяжело вздыхает и с осуждением накрывает лицо ладонью.

— По нелюбви можно принять все эти приличия, — не моргаю. — А ты... ты, я, наша семья, наш брак для меня будет выше всего этого.

Черный и подозрительный взгляд Павла на секунду теплеет... и его презрительный оскал улыбки слабеет.

Я признаю свое поражение перед ним, но не перед нашими родителями, не перед нашими родственниками и не перед нашим окружением, которое не поймет наш развод.

— Стоило два года назад поднять разговор о разводе, — он открывает папку и подхватывает ручку.

— Ты уже тогда мне изменял? — тихо спрашиваю я.

Он замирает. Палец застыл на очередной странице. Его взгляд — острый, как скальпель, и совершенно чужой — медленно поднимается от бумаг и впивается в меня. В его глазах мелькает что-то неуловимое: усталость? Досада? Или тень того Паши, который когда-то смотрел на меня иначе?

— Тогда еще нет, — произносит он четко, отчеканивая каждое слово. Щелчок ручки в его руке заставляет меня вздрогнуть, — я тогда лишь задумался, что хочу... в постели не тебя. Хочу быть где-то, лишь бы не дома с тобой.

Лучше бы изменял. Тогда бы Паша был бы окончательно мразью, но в нем два года назад еще была жива совесть, которая говорила: не надо брак доводить до измен и грязи.

— Я должна была это почувствовать, — я встаю, громко отодвигая стул. — Это и есть моя вина.

Воздух врывается в легкие как раскаленные иглы. Каждый вдох на этом проклятом подъеме – пытка, но я глотаю эту жгучую смесь утренней прохлады и собственного пота, заставляя ноги двигаться.

Мумия.

Это признание Павла выскакивает из меня в такт ударам кроссовок по асфальту.

Как сухой пергамент.

Еще один рывок. Мышцы бедер горят, но это хорошая боль. Живая. Не та леденящая пустота, что он оставил в груди.

Спускаюсь к своему дому, замедляя шаг. Дыхание еще частое, майка прилипла к спине, соленый пот щиплет глаза.

И вот она. Стоит у моей калитки, будто ждала. Божена. В каком-то нелепом воздушном платице пастельного цвета, подчеркивающим аккуратный пока еще только намек на животик. Или мне этот животик только кажется? Всего полтора месяца прошло с нашей последней встречи.

В руках – коробка с тортом, перевязанная лентой. Улыбка – сладкая, липкая, как мое нелюбимое абрикосовое варенье.

– Мира! – Голосок – сиропный, фальшивый. – Здравствуйте! Я тут мимо... ну, почти мимо... и подумала... – Она делает шаг навстречу, и волна ее парфюма – цветочного, уду-

шающе густого – накрывает меня, смешиваясь с запахом моего пота. – Хотела поговорить. Наладить мостик. Павел пусть не говорит, но точно переживает, что между нами... напряжение.

Ха. Он переживает только о своем комфорте и репутации. Стою, опираясь руками о колени, ловя дыхание.

Чувствую, как капли пота стекают по виску. Ее взгляд скользит по моей фигуре – в мокрой от пота майке, спортивных шортах. Видит, наверное, все кости, все впадины, которые так претили Павлу. Видит и... светлеет. Радостно так светлеет.

Через час меня ждет тренажерный зал с железом и строгим тренером, который пообещал, что я получу попу-орех, мощные бедра и мясо на руках.

– Вы... на пробежке? – Она делает удивленные глазки. – Какая умничка! Это же так полезно! – Пауза. Ее голос становится слаще, ядовитее. – Хотя, знаете, для аппетитных форм одних кардио мало. – Она подчеркивает "аппетитных", – Нужны еще силовые, тяжелые. Чтобы формы появились. – Она чуть подается вперед, снисходительно. – Вам бы, правда, с диетологом проконсультироваться. Чтобы не пересушить себя совсем. Паша ведь так любит... ну, вы понимаете... когда есть за что подержаться.

— Божена, — смотрю на нее исподлобья, — я тебя в последнюю очередь буду спрашивать...

Я выпрямляюсь. Спина – ровная, хотя внутри все дрожит

от ярости и унижения. Вкус железа – от закушенной губы – наполняет рот. Она пришла не мириться. Она пришла утереть мне нос. Убедиться, что я все еще та самая жалкая "мумия". И доложить Паше. Нет, она прямо ему ничего не скажет, но между делом поведает, что видела меня на пробежке. И что я была... так себе.

Она морщит носик, будто почувствовала что-то неприятное. Ее сладкая маска съезжает.

– Ну, конечно... – Она делает вид, что смущена, но в глазах – злорадный блеск. – Я просто... хотела помочь. И... – Она вдруг оживляется, переключаясь. – Ой, я же забыла главное! – Поднимает коробку с тортом. – Мы с Пашей... ну, вы же знаете... – Она застенчиво опускает глаза, играя в невесту. – Решили официально оформить наши отношения. Свадьба! Скоро! – Она поднимает на меня взгляд, полный яда, прикрытого невинностью. – Вы же обещали прийти... – Она протягивает коробку. – Это вам. Знак мира. И приглашение, конечно, в устной форме. Лично от меня.

Обещала. Да, черт возьми, обещала. Сказала ему в лицо в ее проклятой квартире. Сквозь боль. Сквозь унижение. Чтобы не дать ему последнее удовольствие – видеть меня сломленной.

Взгляд мой падает на коробку. Розовая лента. Предвкушение ее сладкой победы. Запах сахара и крема доносится сквозь картон, смешиваясь с ее духами и моим потом. Тошнотворно.

— О, торт, — произношу я без тени эмоций. Беру коробку. Она тяжелая, липкая от влаги в моих потных ладонях. — Мило.

Божена сияет. Она ждет благодарностей. Слез? Срывов?

— Вы сдержите обещание? — берет на слабо. — Паша будет так рад!

Я смотрю ей прямо в глаза. В эти бесстыжие, самодовольные глаза. Она быстро хлопает ресничками. Представляю его руки на ее теле. Вспоминаю слова о моей коже и о том, что я мумия. Его отвращение.

— Буду, Божена. Я привыкла сдерживать свои обещания.

Иду мимо. На чай не приглашаю. Не доходя двух шагов до калитки, я резко разворачиваюсь. Подхожу к большому зеленому мусорному баку у забора. Крышка скрипит, когда я ее открываю. Запах гнили и старой пищи бьет в нос. Я поднимаю коробку. Розовая лента трепещет на ветру.

— Я на диете, — говорю громко, четко, глядя прямо на Божену. — На белковой диете, крошка. Нарращиваю формы.

— Пока незаметно, — очаровательно улыбается и торопливо добавляет, — но верю, что на нашей свадьбе вы будете красоткой.

— Буду, — захопываю бак и тоже мило улыбаюсь, — не боишься?

— Ты, правда, пойдешь на свадьбу Павла? — мама недоверчиво щурится.

Я устала. Каждая мышца ноет, пот холодной пленкой склеил спину к спортивному топу. Я не хочу с ней говорить. Не сейчас. Я на нее сорвусь.

Взбалтываю шейкер с протеиновым коктейлем и смотрю в окно, где солнце слишком яркое, слишком жизнерадостное.

Открываю шейкер и делаю глоток. Приторно сладко, но под сладостью все равно что-то горчит.

— Это будет... жалко, Мира.

— Это будет... жалко, Мира, — ее голос звучит фальшиво-сочувственно, как всегда, когда она пытается манипулировать.

— Ты бы лучше сказала, кто моя родная мать, — бросаю я через плечо, все еще глядя на ослепительную улицу.

Оглядываюсь и прищуриваюсь:

— Знаешь, это даже достойно восхищения, как ты отстаиваешь свое якобы материнство.

— Знаешь, это даже достойно восхищения, — шиплю я, чувствуя, как скулы напрягаются, — как ты отстаиваешь свое якобы материнство. С таким упорством. Оскар бы дали.

Мама невозмутимо откладывает в сторону вскрытую пачку печенья. Запах ванили и масла внезапно кажется тошно-

творным. Она медленно поднимает на меня взгляд. В ее глазах — холодная отрешенность. Сухие губы растягиваются в тонкую усмешку.

— Да если предположить, что твои бредни правда, то...

— То что? — я разворачиваюсь к ней всем телом.

— То странно, что якобы твоя реальная мать за все эти годы так и не объявилась, Мира, — мама мило улыбается. — Она либо равнодушная дрянь, либо...

— Вы с отцом ее запугали.

— Настоящую мать не запугаешь, Мира, — она отчеканивает каждое слово, опираясь о стол сухими, жилистыми руками. Кожа на костяшках натянута, как пергамент. Она тоже прищуривается. — И просто так ребенка не отберешь. Только если она сама... — она делает многозначительную паузу.

— Кто она?! — мое требование — рык.

Воздух сгущается, наполняясь запахом протеина, пота и цветочных духов мамы.

— Я — твоя мать, — звучит как мантра. Твердо. Непреклонно.

Я прищуриваюсь сильнее, пытаюсь разглядеть хоть трещинку в этом бронированном спокойствии. Нет. Она не признается. Никогда.

Она будет стоять до последнего, и часть во мне, та самая запутанная, израненная часть, что выросла под ее крышей, восхищается этим адским упрямством.

Даже чувствует какую-то исковерканную благодарность за

годы этой лжи, ставшей моей реальностью. Но это ложь. Она врёт.

Она лжет прямо сейчас, глядя мне в глаза, и даже под пытками не выдаст правду. Я это знаю. Знаю каждой клеткой своего уставшего, обманутого тела.

Вот тогда я и делаю это. Резким, почти неконтролируемым движением я подхватываю конверт с микроволновки. Бумага шелестит зловеще в моих потных ладонях. Я не бросаю его. Я кидаю. Со всей силы, с ненавистью, с отчаянием. Он с глухим шлепком приземляется прямо перед ней на стол, сбивая крошки печенья, задевая ее чашку с остывшим чаем. Листки внутри шевельнулись.

— И что это? — мама приподнимает бровь.

— Тест ДНК, — медленно проговариваю я. — Твой волосок, плюс мой волосок... и... — меня анчинает трести, и я наклоняюсь в сторону мамы и выдыхаю каждое слово ей в лицо:

— Там черным по белому написано, что вероятность нашего с тобой родства — ноль целых, ноль десятых процента. Там доказательство того, что ты врала мне всю мою жизнь.

Я выпрямляюсь, чувствуя, как по спине катится капля пота.

— Ты мне не мать.

Я жду паники, а мама откусывает печенье и делает глоток

чая:

— Боже, какой бред.

— Ты сейчас издеваешься? Посмотри на результаты теста! И скажи мне правду.

— Мира, а развод по тебе сильно ударил, — она отодвигает конверт в сторону двумя пальцами. — Может, тебе вместо обвинений в мою сторону, повыдирать волосы Божене, а?

Отправляет последний кусочек печень в рот, стряхивает крошки с пальцев и делает очередной маленький глоток чая, не спуская с меня мутного, но строго взгляда.

Ей наплевать на конверт.

Или она боится признать ложь, в которой жила сорок пять лет.

Или... она сейчас ради меня стоит на своем?

Настоящая мать не откажется от дочки, даже если та — результат измен отца?

— Ты меня никогда не любила...

Резко замолкаю, потому что мама резко и несдержанно выплескивает мне в лицо теплый чай. К щеке липнет листочек мяты. Замираю. Чай капает на стол, а глаза мамы прищуриваются до двух узких и злых щелочек:

— Я тебе жопу мыла, неблагодарная ты дрянь, — шипит с обидой, — и на несколько лет отказалась от длинных ногтей. И от колец, которые могли поцарапать твою нежную кожу! И кто же это тебя надоумил?

Мама медленно встает.

— Дай угадаю, — цедит он сквозь зубы, — уж не мамаша ли Павла? — придвигает стол к столу со зловещим скрежежом. — У самой муж гулял, ко мне вечно лез с сомнительными предложениями... — раздувает ноздри, а после лезет в сумочку за телефоном.

Она прикладывает его к уху и через секунд десять цедит в трубку:

— Паша, я созываю семейный совет. Если ты не проконтролируешь его, — поскрипывает зубами, — то я твоей матери все последние волосешки повыдираю. И, кстати, раз моя дочь будет на твоей свадьбе, то и я приду.

— Господи, мама... — шепчу я. — Ты просто можешь со мной честно поговорить...

— Да, и от Миры привет, — мама хмыкает, — с воздушным поцелуйчиком. Да, вот такая она кокетка у меня стала... и я... — рывкает в трубку, — найду нового мужа, который не позволит своей старой матери всякую ерунду про меня болтать! Как была твоя мать хамкой, так и осталась! Все, Паша! Я иду выдирать ей волосы! Она теперь мне не сватья! И цацкаться я с ней не буду! За все ваши двадцать пять лет брака она мне так надоела!

Мама решительно разворачивается и плывет к дверям кухни.

— Ты можешь мне объяснить, с какого перепугу наши матери устроили чуть ли не драку между собой? — Паша не здоровается, когда я открываю калитку. — И ты, что, поменяла замки?

Сжимаю ледяную ручку калитки. Холод скорых сумерек ныряет под футболку.

— Отойди, — отвечаю я. — У меня вечерняя пробежка.

— Вот как? — хмыкает. — А тебе, похоже, все равно на свою мать, да? Мира, я ей не сын, чтобы вытирать ей слезы и успокаивать... Я даже не понял, что произошло, мать твою! — гаркает на меня.

Паша делает шаг, и он хочет зайти на территорию бывшего родного дома. Наглый и самоуверенный.

Адреналин ударяет в кровь. Я резко упираюсь ладонями в его грудь, в жесткую ткань его теплого пиджака из черной шерсти.

Чувствую сопротивление его мышц под пальцами и тепло

тела сквозь ткань.

Сил у меня, действительно, прибавилось, потому что мой бывший муж отступает под моим напором.

— Эй...

Его пальцы, сильные и горячие, как тиски, мгновенно смыкаются на моих запястьях. Но мне не больно.

У Паши сейчас нет цели испугать меня.

Он лишь останавливает мою агрессию.

— Я твою маму в прошлый раз вообще была готова взять под опеку, — зло выдыхаю.

— А я хотя бы за ней приехал, а ты? — щурится. — Я, конечно, с твоей мамой никогда не был в близких отношениях, но... ты должна была приехать и забрать ее. Она уже пожилая женщина, Мира.

— Пусти... — вырываю руки из захвата Паши и просачиваюсь между ним и кирпичным столбом калитки.

Не стану я ему говорить о том, что моя мама мне не род-

ная. Он мне никто. Бывший муж.

Это я в прошлом могла поплакать в его могучую грудь и пожаловаться на мать, которая опять звонила с нравоучениями, а сейчас... он мне никто.

— А я Божене не поверил, что ты начала бегать, — усмехается мне вслед, — так ты у нас из тех бабищ, которые начинают заниматься собой только после развода?

Я резко останавливаюсь. Кровь стучит в висках тяжелым молотом. Челюсти сжимаются до белого скрежета, зубы ноют от напряжения.

Вот сейчас он решил меня словесно унижить. Наказать за то, что я отказываюсь от диалога с ним.

— А почему не бегала, когда была моей женой? — голос Паши приближается. — Забавно. Сейчас, значит, силы нашлись на пробежки два раза в день и тренажерные залы, а в браке со мной... ты, бедная несчастная, болела, да?

Медленно выдыхаю:

— Но у меня, правда, были проблемы...

— А сейчас они исчезли? — насмешливый голос Павла совсем близко. — Все гормоны в норме, да?

— Да, — резко разворачиваюсь к Павлу. — Все пришло в норму. Идеальные анализы...

Он медленно наклоняется ко мне. Его тень падает мне на лицо. Скалится в улыбке:

— Врешь, — прищуривается и его глаза вспыхивают темными искрами, — я запросил твои анализы в клинике. Стали чуть лучше, но не совсем не в норме.

Я молчу.

Я теряюсь от его признания, что он следит за моими анализами и лечением.

— Зачем? — спрашиваю я. — Зачем ты лезешь в мою личную жизнь?

— Закралось подозрение, дорогая моя Мира, что ты мне лапшу на уши вешала со своими проблемами со здоровьем, — прищуривается. — Со мной отец на днях поделился, что мать после сорока перестала его к себе подпускать под предлогами, что у нее то эрозия, то молочница, то еще какая-то

херобора... Ты же меня также динамила, а я тебе верил.

— Но я не врала, — цежу сквозь зубы.

— Развелись, а ты бегать начала, — хмыкает. — Спортсменка, прям, а до этого сил не было. Значит, были, да?

— Свали в закат, Паша, — цежу в его самодовольное лицо.

— Были, но не для меня, — улыбается шире. — Вот я и говорю, обычная бабища, которая начинает из себя хоть что-то представлять лишь после развода, а в браке... а зачем в браке стараться? Рядом с мужем будет стонать и страдать, как умирающая чайка...

— Ну, хоть не мумия! — смеюсь я.

— Ты все сделала, чтобы стать для меня мумией, Мира. Лишь бы я тебя не трогал, лишь бы не смотрел в твою сторону, — недовольно прищелкивает языком, — и... — он наклоняется и делает вдох у моей шеи.

Глубокий и задумчивый, а после всматривается в мои глаза:

— Что это, Мира? Крем для тела? — улыбается шире и пробегает пальцами по моей шее.

Я отшатываюсь и закрываю шею ладонями.

— Да, ты определенно начала пользоваться кремами, — его глаза полны разочарования, — а что мешало для меня намазаться каким-нибудь кремушком?

— Проваливай... — отступаю.

— А я тебе отвечу, Мира, — делает ко мне шаг, — ты сама хотела выйти из этого брака. Ты сама не хотела быть со мной. Ты сама все привела к тому, чтобы мы развелись, но... я козел, а ты — жертва.

Вот правда.

А что мне мешало бегать и ходить в тренажерный зал, когда я была в браке?

Что мне мешало мазать на себя жирные и душистые крема, которые сейчас мягко восстанавливают мою кожу и убирают мерзкую сухость?

И что мне мешало в браке купить алое платье с тонкими бретельками на ужин с мужем?

М? Что же...

Теперь это алое платье и эти туфли на высокой шпильке я надену на его свадьбу. И ведь... я не одна такая.

Многие женщины именно после развода начинают прихорашиваться.

Назло бывшему мужу. Чтобы обалдел, какую красавицу потерял. Чтобы локти кусал. Чтобы волосья повыдергивал из всех мест, до которых дотянется. Чтобы новая мымра стала ему противна.

Да, назло бывшему мы можем надеть под платье стринги, а вот “нарадость” мы почему-то не ничего не можем.

— Ты же сама обещала, — дочка Полинка сидит на пуфике у окна, — два раза.

Она на свадьбу отца оделась скромно и элегантно: пыльно-розовое платье футляр чуть ниже колена и бежевые

туфли лодочки.

Я же рядом буду выглядеть как очень дорогая шлюха, которая решила все внимание на свадьбе обратить только себя. Я буду как факел.

Многие будут смотреть на меня даже против своей воли. Так работает красный цвет, глубокое декольте и открытые плечи.

В браке с Павлом я так не одевалась. Я же из консервативной семьи, где уважают элегантность, классический стиль и женскую сдержанность, а меня вдруг в сорок пять потянуло к красному.

Опять назло.

— Да, пап, я у мамы, — вздыхает Полина в телефон и выдергивает меня из напряженных размышлений. — Нет, она не передумала, — переводит на меня многозначительный взгляд, — серьги вот выбирает...

А после включает громкую связь. Я в ярости выпучиваю на нее глаза и показываю кулак и замираю, когда слышу смешливый и высокомерный голос Павла:

— Уж не решила твоя мама затмить невесту?

— Это уже проблемы твоей невесты, папа, — парирует Полинка, придерживая телефон у губ. — Но...

Полина окидывает меня оценивающим взглядом и хмыкает:

— Но... посмотреть есть на что.

— Я даже заинтригован, Поля, — Павел смеется.

И смеется он не лживо, не в напряжении, а в легкой мужской беззаботности, которой у него не было рядом со мной уже очень давно.

Я его таким не слышала, наверное... больше двух лет.

В груди колет, и я отворачиваюсь от дочки, закусив губы.

Осознаю, одну очень горькую правду для меня, как для женщины. Я бы продолжила бы быть с Павлом в браке, если бы не его измена. Меня бы не сподвигли на бунт и развод ни его угрюмость, ни наши молчаливые напряженные вечера, ни пустые ночи без поцелуев и даже объятий.

Господи, да я ведь радовалась тому, когда Павел не проявлял ко мне игривый интерес и попыток развести на близость.

Все очень закономерно в наших отношениях, и даже мое красное платье с высокими шпильками.

Паша, пусть и жесток в своих словах, но прав: обычная бабища, которая только после развода очнулась.

Нас таких — много, и моя беда — беда многих женщин моего возраста.

— Пусть твоя мама наденет те серьги, которые я ей подарил на наши двадцать лет, — хмыкает Паша на той стороне. Его голос немного сдавлен, и я делаю вывод, что он сейчас затягивает галстук на шее, — посоветуй их. Она их редко носила, а они мне нравились... — задумчиво замолкает и через пару секунд тихо говорит, — это был мой последний подарок, который был куплен с долгими и мучительными выбором и сомнениями.

— Последний? — Поля не верит и разводит на новые откровения отца, который не подозревает, что я его слышу.

— Да, — Паша подтверждает свои слова, — потом все этими подарками секретарша занималась. И знаешь, — опять смеется, — они вызывали больше восторга у твоей мамы.

Вот как. И я ведь не могу крикнуть, что он не прав, что он сейчас наговаривает, но... все его задумчивые слова — правда.

— Полюш, значит, мама на тебе и на Антоне, — что-то там на его стороне стучает и шуршит, — да... про серьги не забудь. Если, конечно, она их не продала. Она же могла, — недовольно цыкает.

Но я те серьги не продала. Я о них, честно сказать, совсем забыла.

— Хорошо, — Поля подмигивает мне, — про серьги маме подскажу.

Ни одной женщине не хочется, чтобы в семейном архиве на фотографиях со свадьбы красовалась бывшая жена мужа. Да еще в алом платье, с голыми плечами и на высоких шпильках.

Я представляю, как будет внутри Божены все переворачиваться от злобы и ревности, когда она будет рассматривать присланные снимки на одобрение, а там я.

В алом платье и с очаровательной рядом с ее мужем.

Она думала, что избавилась от меня?

Она думала, что я буду из тех бывших жен, которые в слезах и соплях уползут в нору?

А почему бы мне не устроить дружбу с Павлом? Он же мне не чужой человек. Двадцать пять лет брака, общие дети и скоро, вероятно, пойдут внуки.

Хорошо Божена устроится, если я сейчас, вся такая гордая и обиженная, исчезну из жизни ее мужа.

Это прямо идеальный сценарий для каждой наглой шалавы, которая считает, что бывшая жена должна свалить в туман.

Нет.

Иду я на свадьбу Божены и Паши не для того, чтобы сдержать свое слово, а для того, чтобы подпортить ее своим присутствием.

Я повеселюсь. Я постараюсь быть на каждой фотографии. Наглая, яркая и веселая.

— Мам, ты что-то явно задумала, — вздыхает рядом Антон.

— Я задумала сегодня повеселиться, — честно признаюсь я. — Какое событие. Мы женим вашего папу на молодой шлюшке.

Мы стоим в торжественном зале ЗАГСА и ждем, когда массивные двери распахнуться и войдут жених с невестой.

В стороне несколько фотографов снуют туда-сюда и фотографируют гостей. Один из них — со стороны нашей семьи.

— До сих пор не могу поверить, что ты пришла, — вздыхает мама за моей спиной.

— Почему вам можно, а мне нельзя? — я медленно оглядываюсь на маму, открывая линию шеи, и чувствую как фотоаппараты, наведенные на меня, щелкают.

— И как ты разоделась? — мама пожимает с осуждением губы. Выдыхает и шипит, — как шлюха!

— Бабуль, — Полина по другую сторону от меня оборачивается, — что ты завелась?

— Я на твою мать сильно обижена.

— На что на этот раз, бабуль?

— Она меня не любит, — шепчет мама. — Вот и все.

Я чувствую на себе заинтересованные и любопытные взгляды других гостей. Они ждут от этой свадьбы шоу. Возможно, даже драку невесты и бывшей жены.

Обычные свадьбы — скучные и предсказуемые, а тут... бывшая жена явилась. Зачем? Будет ли скандал? Будут ли слезы?

Я прям коже ощущаю их предвкушение.

— Милая, — успокаивает папа маму и берет ее за руку, — у нашей дочери сейчас сложный период. Она бунтует.

— Она меня в могилу загонит...

— Мне придется сразу за тобой, — усмехается папа.

Теперь я оглядываюсь на отца. Я возмущена. Он не имеет никакого морального права говорить такие нежности той женщине, которой изменял всю жизнь.

— Опять похороны себя устраиваете? — усмехается моя бывшая свекровь чуть по диагонали. — На жалость давите?

— Ты бы заткнулась, — шипит мама. — Я только из-за уважение к твоему сыну сейчас не плюю тебе в лицо.

— Да вот мой сын тебя и жалеет, — Мария Николаевна косится на маму. — И всегда жалел. И немудрено, — кривит морщинистые губы в розовой помаде и поправляет бриллиантовое кольцо на тонкой шее, — с дочерью никакого тепла... Да у нее ко мне больше любви, чем к тебе. Тебя-то сдаст в дом престарелых, а меня... к себе возьмет.

— Дорогая, — бывший свекр Виталий Васильевич приобнимает супругу и сердито шевелит седыми усами, — просто игнориуй...

— Как ты меня игнорировал двадцать лет назад, — мама высокомерно хмыкает и вскидывает подбородок.

И только моя бывшая свекровь хочет разразиться криками, как нас оглушает марш Мендельсона и распахиваются тяжелые двери торжественного зала.

Как вовремя.

Я даже облегченно выдыхаю. Драка моей мамы и бывшей свекрови откладывается.

Все головы, как по команде, поворачиваются к распахнувшимся дверям. Там, залитая светом софитов, стоит наша сладкая парочка.

Мой бывший муж в строгом смокинге выглядит хорошо: горделивая и немного ленивая осанка, властные и твердые шаги... Он не нервничает, как нервничал со мной, когда ему было девятнадцать.

Рядом с ним — плывет Божена в ослепительно белом, пышном платье. Да, платье дорогое, но безвкусное. Рядом фыркает Полина. Она тоже не одобряет выбор невесты.

Идут по ковровой дорожке. Все аж затаили дыхание, а взгляд Павла цепляется за мое красное платье, он удивленно косится, вскинув бровь.

Первые бесячие фотографии — есть: жених смотрит на бывшую жену, а не на невесту.

Воздух в зале густой от смеси дорогих духов, пылицы из букетов и какого-то приторного запаха свечей – пахнет фальшью. Паша ведет Божену под руку, его пальцы сжимают ее локоть слишком крепко, по-хозяйски. Она плывет в облаке тюля и кружев, улыбка застывшая, нарисованная, но глаза блестят победой.

Они останавливаются перед столом сотрудницы ЗАГСа. Та, румяная и улыбчивая, начинает говорить. Голос ее звучит с фальшивой торжественностью – заученные, пустые слова о любви, верности, семье. Я не слышу. Я вижу только его руки. Большие, знакомые до каждой прожилки и венки, чуть грубоватые. Эти руки когда-то согревали меня.

— Обменяйтесь кольцами, пожалуйста," — произносит сотрудница.

К молодоженам с подушкой, на которой лежат кольца, выходит младший брат Божены — очаровательный серьезный десятилетка в стильном костюмчике. Семья невесты притаилась по другую сторону от ковровой дорожки. То мать, то отец, то другие родственники кидают в мою сторону осуждающие взгляды.

А я им улыбаюсь. Их лица краснеют от гнева: я порчу свадьбу их дочери.

Божена протягивает руку, ее пальцы дрожат чуть заметно.

Паша берет тонкое золотое колечко с атласной подушки. Он делает это медленно, почти театрально.

Мысль, что для меня старается.

Его большой палец скользит по подушечкам ее безымянного пальца – Он нанизывает кольцо. Оно скользит легко, слишком легко. Как будто оно всегда там должно было быть. Холод золота против ее теплой кожи. Я помню, как он надевал мое – тогда его руки дрожали, а взгляд был таким... нежным.

Теперь же – только сосредоточенная точность хирурга.

Теперь ее очередь. Ее ручка с маникюром цвета персика берет массивное мужское кольцо – платину, кажется. Она подносит его к пальцу Паши. Ее пальчики кажутся такими хрупкими рядом с его ладонью. Кольцо встает на место.

Гулко стучит мое сердце. Бум. Бум. Бум. Громче слов сотрудницы ЗАГСа.

—И по законам Российской Федерации, а также по велению ваших сердец... – сотрудница делает паузу для эффекта, – ...жених, вы можете поцеловать невесту!

Аплодисменты. Вспышки фотокамер. Божена зажимается, поднимает лицо, ее губы, подкрашенные нежно-розовым, уже полуоткрыты в ожидании. Паша не спешит. Он поворачивается к ней всем корпусом. Его руки поднимаются, медленно, как в замедленной съемке. Ладони охватывают ее лицо – большие, смуглые на фоне ее фарфоровой бледности.

Большие пальцы ложатся ей на скулы. Он наклоняется.

Его тень падает на нее. И в этот момент, когда расстояние между их губами – сантиметр, когда Божена уже замерла в предвкушении, его взгляд – острый и насмешливый, – резко скользит по ее виску и перекидывается... Прямо на меня.

Наши глаза встречаются. В его – не любовь к невесте, не торжество. Там – вызов. Чистый, ледяной вызов. И он... подмигивает. Один раз. Быстро, почти незаметно. Уголок рта дергается в едва уловимой усмешке.

А потом его губы опускаются на губы Божены. Крепко, властно, демонстративно. Она вскрикивает от неожиданности, но звук тонет в аплодисментах. Поцелуй не нежный, не любовный. Он – акт обладания. Маркировка территории. Для нее. И для меня.

— Что же теперь мой выход, — вздыхает рядом наша дочь Поля.

В руках у нее мой скромный букет нежных розовых пионов, который она должна была подарить невесте, ведь все приличия должны быть соблюдены.

Адреналин бьет в виски, горячий и ясный. Страх? Нет. Теперь только азарт. Ты начал, Павел. Теперь моя очередь.

Я резко выхватываю букет из рук Полины. Она вскрикивает от неожиданности шепотом:

—Мам!

— Нет, это мой выход, — говорю я. — Как же не поздравить твоего папу с самым счастливым днем.

— Не лезь, Поль, — Антон поправляет очки на носу. —

Мы просто наблюдаем.

Делаю шаг вперед. Потом второй. Алый шелк платья шуршит, каблуки четко стучат по паркету, отбивая ритм моего бешеного сердца. Десятки глаз, десятки камер поворачиваются ко мне. Шепоток пробегает по залу:

— Это же бывшая жена... О Боже... Что она...

Стараюсь для ваших сплетен, мои дорогие.

— Может, мы ее остановим? — спрашивает моя мама.

— Поздно, — отвечает печально моя бывшая свекровь.

— Хотя такой мне Мира больше нравится. А то тебя напоминала в молодости...

Камеры щелкают со всех сторон.

Да, я — бывшая жена.

Да, я не боюсь этой свадьбы.

Да, я намерена превратить ее в фарс.

Да, я хочу, чтобы о свадьбе Божены и Павла судачили на каждом углу и всякий раз перескакивали с невесты на меня.

Я буду главной героиней этой свадьбы.

Вижу, как Божена, оторвавшись от его губ, ловит каждое мое движение. Ее глаза — круглые, испуганные, как у крольчихи перед выстрелом.

А Павел вскидывает бровь.

— Я так за вас рада! — ускоряю шаг и расплываюсь в улыбке. — По праву бывшей жены первый букет невесте буду дарить я!

Я делаю шаг. Каблук четко стучит по паркету, звук гулко отдается в моей груди. Шаг. Еще шаг. Подхожу вплотную. Чувствую, как Божена инстинктивно отстраняется, но рука Павла на ее локте удерживает ее на месте.

Протягиваю пионы. Их нежно-розовые головки дрожат у меня в руках. Божена машинально, как во сне, берет их. Ее пальцы ледяные, влажные, скользят по моим. В глазах – паника и полное непонимание.

В этот момент я приобнимаю ее за плечи. Чувствую, как она вся сжимается, замирает. Наклоняюсь к ее щеке. Пахнет тональным кремом и потом. Целую. Легко, как бы невзначай. Шепчу прямо в маленькое ушко под фатой:

— Я не шутила, когда говорила, что приду на вашу свадьбу.

— Что ты задумала...

Отстраняюсь, ловлю ее взгляд – Божена растеряна в полном недоумении. Она не двигается, букет пионов прижат к груди, как щит. Адреналин бьет в виски горячими волнами. Поворачиваюсь к Павлу.

Он стоит неподвижно, как изваяние. Лицо – каменная маска. Только глаза живые – темные, глубокие, смотрят на меня с прищуром, с немимым вопросом и... любопытством? Чего ждешь, Паш? Скандала? Слез?

Или я тебя сейчас развлекаю?

Вероятно, дело в том, что я сейчас явно развеяла его скуку.

В его глазах столько жизни, что мне вновь становится больно за наше прошлое, в котором его взгляды на меня были всегда уставшими, терпеливыми или раздраженными.

Поднимаю руку. Касаюсь его щеки. Кожа гладкая, только что выбритая, пахнет его дорогим, терпким одеколоном – запахом, который когда-то сводил меня с ума. Теперь он обжигает. Улыбаюсь шире, впиваясь взглядом в его.

— Павел... — мой голос звучит ниже, интимнее. — Не думала, что нас ждет вот такое будущее... Развод... а после твоя свадьба. — Делаю паузу, ловя его дыхание – ровное, слишком ровное. — Но... я желаю тебе счастья.

Он прищуривается сильнее. Сомнение, настороженность, недоверие – все это читается в его взгляде. Его губы плотно сжаты. Он не верит ни единому моему слову.

Потому что он знает — не желаю я ему счастья с Боженой. Я желаю ему тоски рядом с ней. Зудящего неудовлетворения. Скуки.

— Но эта свадьба не изменит того, что ты был в моей жизни, а я была... в твоей.

И тут – порыв. Дикий, неконтролируемый. Прежде чем мозг успевает крикнуть «стоп!», тело уже движется. Я встаю на цыпочки, руки сами взлетают к его лицу, ладони прижимаются к горячим щекам.

Я его целую.

Не нежно. Не по-дружески. Глубоко, властно, с языком. Со всей яростью, обидой, тоской и с той страстью, что оставила меня после двадцати пяти лет брака.

Вкус его – знакомый, родной – кофе, мята, что-то неуловимо его. Взрыв в голове. Щелчки фотоаппаратов становятся частыми, как пулеметная очередь, сливаясь в один оглушительный треск.

За спиной – взрыв шепота, возглас ужаса, чей-то сдавленный крик. Но сейчас существуют только его губы, его тепло, его неподвижность.. Он не отталкивает. Не отвечает. Но и не отстраняется. Замер.

Шок? Удивление? Что-то еще? Но его дыхание сбилось.

Я отрываюсь первой. Резко. Стою перед ним, дышу часто-часто. Губы горят. Улыбаюсь. Широко, вызываяще и даже безумно.

Поднимаю руку, вытираю тыльной стороной пальцев влагу с губ – его слюну, свою помаду. Движение небрежное, дерзкое.

Тишина на секунду становится абсолютной. Даже фотографы замерли.

— ТЫ, ЧТО, ШАЛАВА УСТРОИЛА?! — Визгливый, истеричный крик разрывает тишину. Мать Божены, тучная женщина в перетягивающем ее кричащем платье, кидается ко мне, лицо багровое от ярости, кулаки сжаты.

Но она не успевает сделать и двух шагов.

— Да кто это еще тут шалава?! — Голос моей матери отвечает жестко и тихо. Ледяной, смертельно опасный.

Смело выходит горделиво и выходит к скандальной тетке, осанка — королевы, готовой казнить дерзкого плебея. Ее взгляд — презрительный, уничтожающий.

— Уж не тебе, лимита, про шалав-то говорить. Свою-то дочь погляди, в чужую постель пролезла!

Божена, наконец, ахает, будто очухивается от транса. Букет пионов выскальзывает из ее ослабевших пальцев, падает на ковер с глухим шлепком. Лепестки рассыпаются. Она отшатывается, лицо мертвенно-белое, глаза — огромные. Она разворачивается и кидается прочь, к дверям в углу зала, за которыми коридор ведет к уборным ЗАГСа. Ее белое платье мелькает, как призрак.

Хаос. Гул голосов нарастает. Кто-то кричит, кто-то смеется нервно. Фотографы носятся, как стервятники, ловя каждый кадр: разбитый букет, убегающую невесту, разъяренных матерей, нас с Павлом.

К нам подскакивают Поля и Антон. Поля хватает меня за руку выше локтя, ее пальцы впиваются в кожу.

— Мам, все, хватит! — Ее голос резкий, командный. — Тебе нужен воздух. Пойдем. Сейчас же.

Антон встает рядом с Павлом, загораживая его от части взглядов, его лицо — маска холодного раздражения.

— Пап, у тебя невеста убежала... Если ты не отменяешь свадьбу, то...

— Не отменяю.

Он смотрит на меня. Все так же прищурившись. Шок прошел. В глазах теперь – буря. Гнев? Недоумение? Что-то еще, темное и незнакомое? Его губы все еще влажные от моего поцелуя. Он не вытирает их.

Поля уже тянет меня к выходу, к боковой двери, подальше от центрального ада. Я сопротивляюсь на мгновение, оглядываюсь через плечо. Ловлю его взгляд. И подмигиваю. Один раз. Быстро, дерзко, с той самой вызывающей улыбкой, как оторую я только способна.

— Нас ждет еще банкет, милый, — шепчу на прощание, зная, что он прочтет по губам.

Предлагаю в ожидании следующей главы заглянуть в мою новинку к семье Грозновых

Бывший муж. Ты забыл, как любил меня <https://litnet.com/shrt/P3ER>

— Разведемся тихо-мирно, — внезапно заявляет мой муж Слава. — Ради наших мальчиков, Карина. Без скандалов.

— Что... — листва шуршит под моими ногами.

— Я больше не вижу смысла, Карина. — он говорит это тихо. — Ты прекрасная жена и мать, но ничего не горит. Просто... кончилось. И в этом нет твоей вины, но так бывает у мужчин... Перегорает.

— У тебя есть другая? — хрипло спрашиваю я.

Он кивает.

— Сегодня я вас познакомлю.

Я научилась жить без него. Прошло 10 лет.

На дне рождения нашей трехлетней внучки он поднимает на меня взгляд, улыбается, и в груди опять ноет. Ноет о нашем прошлом, о нашей любви.

Но... сейчас все стало намного сложнее, чем даже тогда, когда он познакомил меня с любовницей и сказал о разводе.

<https://litnet.com/shrt/P3bR>

Когда Мира протягивает Божене пионы, я понимаю, что моя бывшая жена решила мне ответить на мое подмигивание. Если честно, что я ожидал от нее лишь возмущения, обиды, гнева, но ничего это в глазах Миры я не вижу.

Она шепчет что-то в ухо Божены. Та бледнеет. А потом... потом Мира поворачивается ко мне. Медленно и плавно.

Улыбка.

Эта та самая хищная улыбка, которой я никогда не видел от Миры за все наши двадцать пять лет брака. Она обычно улыбалась либо мягко, либо сдержанно, либо... как-то натянуто и лживо, будто плохая актриса.

А сейчас... ее улыбка удивляет

Рука тянется к моей щеке. Пальцы теплые и сухие, а , значит, она совсем не нервничает.

Моя гладкой выбритая щека под ее пальцами... Я чувствую себя сейчас голым под невесомым прикосновением Миры. Это неожиданно меня смущает. Под рубашкой между лопатками пробегают мурашки.

Любопытно.

— Но эта свадьба не изменит того, что ты был в моей жизни, а я была... в твоей...

И вдруг она встает на цыпочки.

Ладони – сухие, сильные, неожиданно сильные – хватают

мое лицо, стискивают его... И губы. Ее губы. Горячие. Влажные. Она целует меня не по-родственному. Не по-бывшему.

Она целует меня глубоко, нагло и с языком, который про-
скальзывает в мой рот.

Да в жизни она сама никогда так меня не целовала! Ни-
когда в Мира не было столько решительности и нахальства.
Она же... та самая скромная женщина, которую надо посто-
янно совращать, чуть ли не насиловать, потому что она...
приличная...

По-молодости меня это заводило, я чувствовал в ее
скромности и зажатости вызов.

Шок парализует на долю секунды. Тело каменеет. В ушах
– оглушительный звон, перекрывающий щелчки фотоаппа-
ратов, вздохи, начавшийся гул. Язык ее – настойчивый, пом-
нящий – скользит по моему. Вкус помады – горьковато-слад-
кий

Никогда не была так... агрессивно нежна. Внизу под ши-
ринкой меня медленно начинает распирать забытое тепло.
Возбуждение?

Да. Глупое, дикое, первобытное возбуждение от ее нагло-
сти, от этой публичной пытки. Она не плачет. Она атакует.
Стерва. Настоящая стерва. Где ты была эта бестия, когда мы
были вместе, Мира?

Неужели для того, чтобы она родилась, мне надо было же-
ниться во второй раз?

Мира отстраняется. Резко. Стоит, дышит часто, губы бле-

стят – моей слюной, ее помадой.

Улыбка – торжествующая, безумная. Вытирает тыльную стороной ладони рот. Вызов. Чистый, оголенный вызов. Зал взрывается гвалтом, визгом матери Божены, но это где-то далеко. Существует только она. Алый шелк, горящие глаза, запах вызова с нотками амбры.

Взрывается хаос.

Божена вырывается, бежит, белое пятно мелькает в дверях. Пионы валяются на ковре, растоптанные.

Полина уводит Миру, а меня в сторону тянет Антон.

— Пап, ты меня слышишь?

— Возможно...

— Пап, — он сжимает мое предплечье. Голос тихий, сдавленный, не для чужих ушей. — По-хорошему... Все же продолжать не стоит...

Он смотрит на меня. В его глазах – не осуждение. Надежда. Детская, наивная надежда. Он ждет, что я очнусь. Что я сейчас все отменю и брошусь за Мирой. Что этот поцелуй... что это знак. Что все можно спасти.

Дурак. Романтик. Откуда в нем это?

Поправляю галстук. Ткань грубая под пальцами напоминает, кто я. Где я. Зачем я здесь. Глубокий вдох.

— Нет, — говорю ровно. Голос звучит чужо. — Я же уже сказал, что не вижу смысла отменять.

Антон моргает. Надежда гаснет, сменяясь недоумением, обидой.

— Почему? — Шепот становится жестче.

Мира, которую уводит Поля, оглядывается. Ловит мой взгляд. И подмигивает. Точно так же, как я ей несколько минут назад. Стерва. Божественная стерва. В груди снова тот же глупый толчок. Адреналин. Азарт.

— Почему, пап? — настаивает Антон, его дипломатическое спокойствие потрескивает возмущением

— Потому что эта свадьба, — говорю я медленно и перевозжу взгляд на сына, — очень нравится моей маме.

— Это уже не свадьба, а фарс...

— Любая свадьба — это фарс, — поддаюсь к сыну и заглядываю в его недоуменные глаза за тонкими стеклами очков, — любая...

— Так, дорогуша, — я краем глаза вижу, как моя мать тянет в сторону мою бывшую тещу, — выдыхай, а то ты сейчас достанешь из своего ридикюльчика уродливого что-нибудь острое...

— Ты как свою дочь воспитывала?! — рывкает мать Божены, и ее с трудом удерживает ее муж и брат.

— Ты, что, хочешь, чтобы эта стерва тебя потом в какой-нибудь подворотне зарезала? — моя мама охает. — А она... — понижает голос до шепота, — может тебе это устроить.

Мать Божены напрягается.

— Я тебя-то не зарезала, — моя бывшая теща приглажи-

вает пальцами волосы на виске.

— Мы с тобой друг с другом всегда ходим по краю, Вика,
— мама пожимает плечами. — Пошли... Пошли... выпьем водички...

— Пойду к моей очаровательной невесте, — разворачиваюсь на пятках, одергивая полы пиджака, — а ты займись гостями. Успокой их. Свадьбе быть.

— Это несерьезно, пап!

Мне нравится этот бардак. Нравится, как Мира взорвала все к чертям. Нравится этот вкус ее губ и ярости. Отменю свадьбу — и игра закончится.

Мне нравится, как бесится моя бывшая жена.

— Кстати, вот свадьбу с твоей мамой не особо-то и помнят, — я оглядываюсь, — а все было так все серьезно.

Холодная ручка двери туалета обжигает пальцы. Я врываюсь внутрь, тяжелое платье шуршит и цепляется за косяк, как будто хочет вернуть меня туда, где на глазах у всех Мира поцеловала моего Павла.

Но где он?

Почему Павел не бежит за мной? В ушах все еще стоит оглушительный гул голосов, смешанный с проклятой музыкой и щелчками камер.

— Да как же так,— шепчу я в пустоту уборной, но слышу только собственное прерывистое дыхание. — Это какой-то бред...

Запираюсь в самой дальней кабинке. Сердце колотится так, что кажется, вырвется из-под корсета. Обхватываю голову руками. Фата сползает, цепляясь за бриллиантовые сережки — его подарок на помолвку. Они сейчас кажутся ледяными и чужими.

— Не может быть... — вырывается хриплый шепот. — Не может быть...

Перед глазами — ее лицо. Мира. В этом алом, наглом платье. Ее глаза — не жалкие, не заплаканные, как я ожидала. Холодные. Решительные. И этот поцелуй... Этот долгий, влажный, отвратительный поцелуй прямо на глазах у всех! А Павел... Павел не оттолкнул ее сразу. Он замер. Как идиот!

Жар стыда разливается по лицу, шее, груди. Платье душит. Я чувствую, как трясутся колени под слоями воздушной ткани.

Свадьба... Моя идеальная, дорогая, выверенная до мелочей свадьба... превращена в цирк. В дешевый, пошлый балаган. Все будут говорить не о моем красивом платье, не о банкете, не о нашей любви.

Все будут судачить о бывшей жене. О том, как она поцеловала моего мужа сразу после того, как мы расписались. Как она унизила меня на глазах у моих родителей, его семьи, его партнеров... всех важных гостей.

— Нет... — вырывается у меня сдавленно. Я сжимаю кулаки, ногти впиваются в ладони.

Она же должна была быть тихой лохушкой! Как она посмела?! Как она посмела вот так?!

Мысль, что Павел сейчас должен быть здесь, бьется в висках. Он должен ломиться в дверь, умолять открыть, клясться, что это ничего не значит, что он разберется, выгонит ее. Но за дверью кабинки – тишина.

Где он?

Остался с Мирой?

Я задыхаюсь. Слезы, наконец, подступают, горячие и горькие, скатываются по щекам, оставляя соленый привкус на губах. Я вытираю их тыльной стороной руки, смазывая тушь.

Тук-тук-тук.

Легкий, почти нежный стук в дверь кабинки.

— Павел! — вырывается у меня с надеждой и злостью. — Уйди! Оставь меня! Я не хочу тебя видеть! Никогда!

Но внутри все замирает в ожидании. Его голос. Его оправдания. Его руки, которые должны обнять и успокоить.

— Божена? Это я, Алиса, — доносится из-за двери сладкий, пропитанный фальшивым сочувствием голос. — Открой, милая. Не забивайся тут одна, бедная ты моя... Я рядом...

Злорадство. Я чувствую его сквозь дерево двери моей туалетной кабинки. Оно витает в воздухе, смешиваясь с запахом дезинфектора и моих духов. Она рада. Рада до чертиков. Ведь она сама мечтала оказаться на моем месте. Мечтала о Павле.

Я знаю.

— Уйди, Алиса, — шиплю я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Мне не нужна твоя помощь.

— Ой, как же не нужна? — Алиса припадает к двери, ее голос становится еще слаще, еще ядовитее. — Такой чудовищный скандал... При всех... Да еще и поцелуй! Прямо после регистрации! Это же... это же полное унижение, сестренка. Настоящее. При всех родственниках, гостях... Ты же не лохушка какая-то, чтобы вот так... терпеть?

Ее слова — точные, злые. Она знает, куда ткнуть. Знает мою гордость.

— Теперь только один выход, — продолжает она, и в ее голосе слышится торжество, которое она тщетно пытается

скрыть. — Сохранить достоинство. Сейчас же отменить этот банкет. Сказать всем, что свадьба не состоялась. Иначе... — она делает многозначительную паузу, — иначе все будут над тобой смеяться. Все. Когда ты убежала, уже многие хихикали. Ты же не хочешь быть посмешищем, Боженька? Ты же сильная.

«Сильная». Она произносит это слово с таким ядом. Она хочет, чтобы я сломалась. Чтобы отказалась от Павла. Чтобы уступила ей дорогу. Ярость, горячая и слепая, поднимается во мне, смывая слезы, сжигая стыд. Она думает, я сдамся? Думает, я отдам ей то, что завоевала?

Я резко проворачиваю защелку. Дверь кабинки с грохотом распаивается. Алиса отскакивает, едва не теряя равновесие. На ее лице — маска наигранного испуга и сочувствия, но в глазах — холодное любопытство и... да, злорадство.

— Ни за что! — рявкаю я, выходя к ней. Каблуки гулко цокают по кафельному полу, эхо разносится по пустой уборной. — Никогда! Ты слышишь, Алиса?! Я не отменю свадьбу! Я не откажусь от Павла! Это МОЙ муж! МОЙ! И ты... — я тычу пальцем ей в лицо, — ты никогда не получишь того, что получила я! Никогда! Я НЕ ОТМЕНЮ СВАДЬБУ! ЭТО МОЯ СВАДЬБА! МОЙ МУЖ!

Алиса поджимает губы, ее глаза сужаются. Фальшивое сочувствие исчезает, сменяясь злобой и завистью. Она открывает рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент тяжелая дверь в уборную скрипнула.

В проеме, залитый светом из коридора, стоит Павел. Он опирается о косяк, руки в карманах брюк. На его лице – ни тени беспокойства, ни извинений. Только привычная усталость и... едва уловимая усмешка в уголках губ.

— А я рад, что ты не стала заводить истерику, Божена, — говорит он спокойно, его голос гулко звучит в кафельном пространстве. — Разумно. — Его взгляд скользит по моему заплаканному лицу, смазанной туши, сползшей фате.

Он видит все. И ему... наплевать:

— Алиса, — обращается он к сестре, не меняя тона, — приведи сестру немного в порядок. У тебя есть... — он смотрит на часы, — пять минут. Потом выходите.

Алиса кивает, стараясь снова натянуть маску услужливой сестры.

— Конечно, Павел Витальевич. Сейчас... Я за этим сюда и пришла. Чтобы привести мою сестру в порядок...

Павел уже поворачивается, чтобы уйти. Паника снова сжимает горло. Он уходит? Просто уходит? Как будто ничего не произошло? Как будто его только что не целовала на глазах у всей свадьбы его бывшая жена?

— Павел! — зову я, и голос мой звучит тоньше, слабее, чем хотелось бы. Он останавливается, оборачивается, поднимая бровь. Вопрос без слов:

«Что еще?»

Я делаю шаг вперед, спотыкаясь о подол платья. Надо собраться. Надо показать силу.

— Она... — начинаю я, с трудом подбирая слова. — Мира... Ее не должно быть на банкете.

Смотрю на него, умоляю глазами. Убери ее. Докажи, что я важнее. Докажи всем, особенно ей, что ее выходка ничего не значит. Останови этот фарс.

— Она... она явно не в себе. Она может... может устроить еще что-то. Испортить все окончательно.

Павел смотрит на меня долго. Его темные глаза непроницаемы. Потом он слегка пожимает плечами, уголок рта дергается в той самой, невыносимой полуулыбке, в которую я влюбилась.

— Она гостя. Приглашена. Как и все. — Его голос ровный, без эмоций. — и ты же сама настаивала на том, чтобы Мира была на нашей свадьбе.

— Она тебя поцеловала... на глазах у всех... Ты мой муж...

— Тебе ничего не мешало целовать меня, когда Мира была моей женой, — пожимает плечами.

Удар ниже пояса. Я чувствую, как кровь отливает от лица. За спиной слышу едва сдерживаемый вдох Алисы. Она ловит каждое слово, каждый мой срыв. Ждет. Ждет, когда я взорвусь, откажусь, освобожу место.

— Это другое! — мой голос срывается на крик, эхо гулко отдается по кафельным стенам уборной. — Это было... между нами! Тайно! А это... это публичное унижение! Она сделала это специально! Чтобы опозорить меня! Нашу свадьбу!

Павел хмурится. Легкая тень нетерпения скользит по его лицу. Алиса за спиной замерла, превратившись в настороженную тень.

— Ну, может, моя бывшая жена расчувствовалась, —

усмехается, а затем прищуривается, а, может, просто хотела тебя позлить. И ей, я вижу, это удалось. — Он медленно провод

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.